Цифровые платформы роста:
сумма технологии

1. ЭМПИРИЯ

Прямыми сделались стези[1]

Профессионалы предупреждают: мир неотвратимо вползает в кризис замедления роста. Казалось бы, так ли враждебно хорошее лучшему? Худой рост комфортнее доброго спада…

Но продлить прекрасное мгновение застоя если и возможно, то лишь «в одной отдельно взятой стране», притом мгновенно выпадающей из мировой гонки. Не случайно предсмертным лозунгом СССР было «ускорение» – любой ценой.

История помнит: замедление роста – преддверие социальных катастроф. Чтобы устоять, мир, по Кэроллу, обречён бежать во весь опор. Едва предложение социальных благ притормаживает – сзади нависает тень настигающего спроса.

В отличие от благостных кривых на схемах экономикс, реальные конфликты спроса и предложения разрешаются большой кровью. Рост предложения цикличен, спрос же растёт безостановочно: в бедных странах – вместе с населением, в богатых – вместе с прогрессом. Останавливает его лишь социальная катастрофа, пожирая население и подрывая прогресс вкупе с верой в него.

Демографические взрывы и экологические спазмы, оскудение пастбищ и пашен рушат баланс сил нападения и защиты, срывают массы людей с насиженных мест. История неистощима на сюжеты, в финале которых – волны переселения племён и нашествия народов моря, амореи и османы, викинги и гунны, «бич Божий».

В XIX веке удары зачастили. Финансовые кризисы, обрывая подъём производства, оборачивались революциями образца 1848 года, когда по Европе будто смерч прошёл.

К началу прошлого столетия рынки капитала упёрлись друг в друга, им стало некуда расти. Эпохальный смысл исчерпания пространства этой экспансии был показан и предсказан экономистом Марксом.

Ответ социальной стихии на остановку роста – чудовищный сэндвич из двух мировых войн с прослойкой революций, депрессий и разрух. Битвы на Марне, при Вердене, на Сомме, наступления Антанты в 1917 году и германцев весной 1918-го – каждая из тех мясорубок была прожорливей, чем крупнейшие природные катаклизмы в истории. «Межвоенное» время оказалось смертоноснее, чем Первая мировая. Вторая превзошла её по кровожадности втрое…

Обрубок спроса выпал из прокрустовой гильотины предложения. А над полями боёв занялась заря послевоенного роста и экономических чудес. От Цусимы до Хиросимы – сорок лет понадобилось, чтобы кривые закона Маршалла встретились при плановой поддержке генерала-однофамильца.

Немногие свидетели этой космической драмы ещё живы. Но обывательская память страдает амнезией и безосновательным оптимизмом. Как-то верится, будто текущую стагнацию прекратят компетентные международные органы, и всё вернётся к «норме» – под которой хотелось бы разуметь сытную паузу между двумя предыдущими кризисами.

---

[1] http://expert.ru/2013/07/9/summa-tehnologii-rosta/

Тем часом, новое переселение народов на пороге. Череда взрывов смертников уже сливается в дозиметрический треск реактора. На глобальной периферии неведомые силы, ещё вчера безымянные, экспроприируют владельцев месторождений и ценных грузов. Пираты сомалийского Пунтленда зарятся на танкеры, туареги-сепаратисты перерезают пути к малийскому урану и золоту. А чьей коноплёй поросло нынче Косово поле? Чьи костры пылают в пригородах Стокгольма и Парижа? Ярославна ли плачет в Путивле, или муэдзин?

Пришёл чуж-чуженин, кочевник, мигрант – и собственное, родное, глядь – уже за холмом.

Инновационная пауза в кондратьевских циклах

Даже школьник сегодня наслышан: экономический рост возобновляется, когда люди изобретают и массово применяют новую технологию, а значит, начинают производить в единицу времени больше вещества и энергии, еды и тепла…

Технократическая идея «базиса», что толкает вперёд производительные силы, приписывается Марксу. Согласно «историческому материализму», производство развивается циклами, связанными с появлением новых технологий и орудий труда. А те, кто пытается препятствовать, сгорают в очистительном пламени революций.

Позднее исследователи связали эту идею с эмпирически наблюдаемыми циклами в росте общественной производительности. Лучшие умы пустились в поиски объяснений цикличности. Например, согласно одной из продвинутых гипотез, в основе хозяйственного развития лежат технологии производства энергии, смена которых, в свою очередь, связана с переходом на новый тип энергоносителей. Отсюда – представление о циклах дровяной, угольной, нефтяной, газовой энергетик, порождающих собственные миры с новыми способами производства, глобальными лидерами и жизненными стандартами.

Мыслители попроще стремятся досыпать в кучу системообразующих технологий кому что нравится: сталелитейную промышленность и железные дороги, электродвигатели и большую химию…

Относительный экспертный консенсус существует по поводу последней волны. Считается, что с середины XX в. роль глобального драйвера роста выполняют компьютерные и сетевые технологии. Но импульс, который они дали развитию мировой экономики, судя по всему, исчерпывается. И потребительский мир, нетерпеливо ёрзая, ждет, когда же и которая из новых технологий заступит на смену.

Среди кандидатов, широко обсуждаемых в кругах авторитетных блоггеров и правительственных экспертов – космос и ядерная энергетика, био-, когно- и нанотехнологии. Касаемо первых двух – тут полное недоразумение: технологическая база обеих отраслей прочно увязла в прошлом. Королёвская «семёрка», что вознесла ещё первый спутник, и по сей день остаётся орбитальной рабочей лошадкой, не зная конкуренции по параметрам дешевизны и безотказности. В атомной энергетике со времён Курчатова консервативная надёжность торжествует над инновациями. Что до нано- и биочудес, они со временем, возможно, и станут факторами роста, но пока наоборот – как малые дети, требуют долголетних усилий и триллионных инвестиций в R&D.

Академик в «Вопросах экономики» придал обстоятельству технологической задержки характер научной гипотезы, согласно которой в мире наступила «инновационная пауза». Её механизмы учёному принципиально неинтересны. Важнее другое: «иннопауза» не оставляет надежд на беременность, чреватую новым техночудом, которое могло бы спасти если не мир, то на худой конец индекс Доу-Джонса.

Короче, на языке, внятном российским хозяйственникам, гипотеза гласит: в этом сезоне «северный завоз» уже не состоится.

Но коли так – зубы на полку! Глобальный миропорядок обречён на жёсткую перезагрузку. Не всем суждено её пережить.

Конец новейших времён

К роковой черте первой мировой относятся и попытки запустить конвейер по превращению изобретений сперва в разрушительную силу, а потом и производительную. Танки и пулемёты, аэропланы и цепеллины, газы и противогазы – гонка вооружений в межвоенное время конверсируется в «научно-технический прогресс».

К сожалению, с тех же давних лет и поныне тянется обывательская традиция разуметь под НТП прежде всего развитие *производственных* технологий, упуская из виду фундаментальный вклад технологий *управленческих*, а затем и *экономических*.

Победы во второй мировой достигались, как правило, не за счёт совершенства оружия – его боевые качества, спасибо разведке, у воюющих сторон оказались сопоставимы. Господство союзников в воздухе было обеспечено высокой эффективностью и экономичностью массового производства штурмовиков ИЛ-2 и «летающих крепостей». Это стало торжеством плановиков и финансистов. Однако в отличие от авиаконструкторов, эти герои в большинстве остались безымянными.

Производительность социально-экономических систем – совсем не то же, что «производительность труда». Тем более «труд», в соответствии с предвидением полуторавековой давности, поэтапно вытесняется с появлением технологий. В частности, из сферы производства его уже вовсю выдавливают роботизированные «flexible systems». Производительность общества – матрёшка из целого ряда институтов, где совокупная хозяйственная *мощность*, упирающаяся в физический КПД, «изнутри» ограничивается и обуславливается организационной *эффективностью*, а та, в свою очередь, содержит кощееву иглу экономической *стоимости*.

Семь лет назад мне уже приходилось писать, что *новая волна роста в посткризисной мировой экономике будет обеспечена развитием новых финансовых технологий*[2]. Оказалось, ровно в это время такие технологии на Западе приобретали конкретные формы, имена и главное – собственников.

Impact Investing и российское бермудье

В предгрозовом 2007-м, когда ипотечный кризис в США едва начинал перерастать в общефинансовый, среди многих забот преуспеяния, Фонд Рокфеллера не забыл собрать на своей вилле в Белладжо мыслителей и практиков, пророчески озадачив их парадоксальной темой: как создать мировую индустрию коммерческого инвестирования в решение социальных проблем?

Напряжённая работа мысли протекала в непростых условиях: на мысу, вдающемся в легендарное озеро Комо, на берегах, где в старину держали виллы Вергилий и Плиний Младший, а ныне обосновался сам Джордж Клуни. Магия места сыграла свою роль: узники мысли отчеканили понятие «Impact Investing» – монету, оказавшуюся неразменной.

Через год грянул кризис таких масштабов, что лидеры Запада были готовы хвататься за любые соломинки, включая интеллектуальные. Авторов концепции вновь срочно призвали под знамёна Белладжо. Фонд Рокфеллера, не мешкая, учредил «Impact Investing Initiative», на что Попечительский совет для начала отписал 38 миллионов долларов – и работа закипела.

Каковы её плоды восемь лет спустя?

---

[2] http://expert.ru/expert/2008/37/za_odnopolyarnum_krugom/

Волна новых технологий роста вздымается всё круче. Она вовсю обзаводится собственными институтами и стандартами. С 2009 года действует Глобальная сеть Impact Investing (GIIN)[3]. В её руководящие органы входят крупнейшие финансовые структуры, такие как J.P. Morgan, Credit Suisse, Deutsche Bank, Goldman Sachs, Morgan Stanley, Prudential, UBS, а также ведущие благотворительные фонды, частные фирмы и правительственные ведомства. Активную поддержку движению оказывают американская правительственная Корпорация частных зарубежных инвестиций (OPIC), Агентство по международному развитию (USAID), Администрация по делам малого бизнеса США (SBA). Волна на глазах глобализуется. Мероприятия, проекты, правительственные программы Impact Investing осуществляются в Мексике и Бразилии, Южной Африке и Кении, Британии и Голландии, Индии, Сингапуре и Австралии. Разрабатываются и проверяются на практике классификации, базы данных и стандарты оценки проектов, идущих в русле Impact Investing. В мире наблюдается взрывной рост интереса к новому поколению финансовых технологий; конференции по проблематике Impact Investing собирают безразмерные толпы желающих.

Лидеры волны утверждают, что давно завершён этап становления и концептуализации. Сегодня она находится в фазе активного строительства рынка, формирования его инфраструктуры, призванной снижать трансакционные издержки. По замыслу конструкторов, этот рынок должен через несколько лет стать главным руслом для инвестиционного мейнстрима.

Словом, затея в краткой заметке объять необъятный фронт работ Impact Investing смотрелась бы странновато. Если бы не одно «но».

Остаётся бермудская зона размером в 1/6 земной суши, где во всех анкетах на языках народов бывшего СССР в графе Impact Investing до последнего времени значилось «не был, не участвовал, не состоял».

«А там, во глубине России, –
Там вековая тишина».

Невинное стихотворение Некрасова в 1857 году не было допущено к публикации бдительной цензурой.

Новые состоятельные прозаики

Impact Investing – не товарный знак конкретной методики инвестирования, недавно изобретённой и вошедшей в моду. Это собирательно имя-концепт новой волны финансовых технологий, формирующейся уже не первое десятилетие, и на своём гребне несущей множество инноваций. Функционально оно подобно термину «проза», который используется для обозначения распространённого типа дискурса. Только вот прозаики Impact Investing – люди посерьёзнее господина Журдена, в основном из числа «high net worth individuals», нового поколения состоятельных лиц. О них говорят, что они стремятся «воплотить свои ценности в своих инвестициях».

В отличие от законов, не имеющих обратной силы, понятие Impact Investing нацелено на активное и даже агрессивное освоение прошлого, поглощение-переосмысление и переупаковку его финансовых изобретений и практик. При этом особых проблем с авторскими правами не наблюдается.

Например, Уэйн Силби, учредитель 15-миллиардной инвестиционной компании «Фонд Калверта» из Мэриленда, замечает мимоходом, что практиковал Impact Investing с конца 80-х. Что не мешает ему выступать в роли пропагандиста и энтузиаста новой волны финансовых технологий.

[3] http://www.thegiin.org/

Среди икон и участников движения – Пьер Омидьяр, создатель eBay, занимающий третью строчку в списке молодых американских богачей.

Сложнее отношения новой волны инвестиционных конструкторов с маэстро Джорджем Соросом. Журнал «Экономист» в статье с подзаголовком «Волшебный новый класс активов» недвусмысленно причисляет Сороса к числу покровителей Impact Investing.

Авторы стратегического доклада, изданного под эгидой Rockefeller Foundation и J.P. Morgan, более аккуратны в формулировках.

> «Инновации в развитии финансовой сферы будут иметь критическую значимость и преобразующий потенциал. В последнее десятилетие ООН и выдающиеся специалисты в финансовой сфере, такие как Джордж Сорос, интенсивно занимались разработкой ряда новых финансовых механизмов, нацеленных на решение глобальных проблем… Impact Investing – индустрия и движение, вносящие в этот более широкий поиск финансовых инноваций собственный конкретный нарастающий вклад как со стороны спроса и предложения инвестиций, так и в сфере посредничества. В этом смысле, успех Impact Investing подлинно значим для мира».

Однако инициаторы движения Энтони Багг-Левин и Джед Эмерсон в своей книге указывают на то знаковое обстоятельство, что Сорос фактически вложил 200 млн. долларов в проекты, идущие в русле Impact Investing, через «Soros Economic Development Fund».

Купажирование ценностей и парадигм

Что же значит новый знак?

За семь лет до запуска Багг-Левиным бренда Impact Investing его соавтор Эмерсон застолбил термин «Blended Value» – комбинированная (скорее даже купажированная) ценность. Дело в том, что до сих пор в западном дискурсе речь шла о двух полярных способах деятельности, подразумевающих в качестве своей основы две несовместимых ценности. Либо мы стремимся к высоким доходам – тогда следует отложить в сторону все помыслы о благе ближнего как не относящиеся к бизнесу. Либо ставится задача решения социальных или экологических проблем широких масс – тогда на сцене появляется профессиональная благотворительность с её инструментами, несовместимыми с погоней за прибылью. Западник Чацкий предостерегал от попыток смешивать два этих ремесла. Теперь Эмерсон его поправил.

Как выясняется, в современной практике при прочих равных из двух бизнесов в конечном итоге успешнее будет тот, собственник которого сознательно стремится к достижению социально-значимых целей. И напротив, долговременная тенденция современной благотворительности – переход на строгие инвестиционные стандарты подготовки и финансирования проектов, в частности – в русле концепции «социального предпринимательства».

Для людей, воспитанных в культуре троичного мышления – в христианской либо китайской его версии – «комби-ценность» Эмерсона сродни попытке вломиться в широко распахнутые ворота. Но чёрно-белую картинку западного менеджмента она меняет радикально.

Ричарду Коху, выпускнику Оксфорда и Уортона, консультанту Boston Consulting Group, принадлежит фраза, которой он обессмертил «бостонскую матрицу»:

> *«BCG* ***ввела в научно-практический оборот несколько видов матриц, она по праву гордится способностью своих работников мыслить в категориях***

***двухмерных абстракций**».*

Бостонская матрица (точнее, её разновидности) – типичный продукт и инструмент бинарного мышления. Для каждого объекта и явления оно порождает классификации 2x2, где мысленная граница между «хромыми утками» и «дойными коровами» практически непроходима. Сюда же относятся матрица Ансоффа, классификация менеджеров по Адизесу, тернарная типология продаж Кокса и Стивенса и т.п.

Поразительно, но факт: основной классификационный инструмент Impact Investing, матрица «Капитализация – Координация», представляет собой таблицу 3x3. Там, где выпускники школ MBA видят четыре сущности, намётанный глаз Impact-инвестора различает девять.

На такой радикальный сдвиг деловой парадигмы – тут не до шуток! – общество способно пойти только перед лицом смертельной угрозы самим основам его существования.

Речь о катастрофе долговременного замедления роста.

Конструкторы новой волны

Новые инвестиционные проектанты бросают вызов проблеме роста, сознательно руководствуясь комбинированной ценностью Blended Value. Волна финансовых технологий Impact Investing как раз и сулит оснащение их проектной деятельности инструментами и стандартами.

Идеологи Impact Investing указывают на то, что движение появилось на свет в результате взаимодействия четырёх ключевых факторов:

- Углублённый анализ рисков инвестиционных решений, инициированный финансовым кризисом 2008-09 гг.;
- Растущее понимание принципиальной нехватки ресурсов перед лицом жестокой нищеты, неравенства, разрушения окружающей среды и других комплексных, глобальных проблем, особенно в условиях, когда западные страны вынуждены сокращать свои бюджеты международной помощи и решения внутренних социальных проблем;
- Расширяющийся ряд практик, которые демонстрируют возможность финансирования масштабируемых бизнес-моделей, производящих социально-значимые результаты;
- Переход богатства в индустриальных странах к новому поколению состоятельных индивидов, стремящихся воплотить собственные ценности в способе размещения своих инвестиций.

Рабочее поле Impact Investing сегодня практически необозримо. Оно напоминает лавовое поле активного вулкана. Реализуются тысячи проектов на всех континентах, действуют сотни исследовательских групп, занятые разработкой финансовых технологий, инструментов и стандартов для десятков специализированных разновидностей участников рынка. Только исследовательские бюджеты исчисляются сотнями миллионов долларов. Первые же оценки масштаба нового рынка в пятилетней перспективе колебались около триллиона.

Тем не менее, постепенно смещая фокус обзора от позиции инвесторов в сторону потребителей инвестиций, можно увидеть три концентра, где сегодня сосредоточены интересы игроков. Каждый из них для своего описания, вообще говоря, требует отдельной терминологии. И здесь просматриваются причины нынешней непереводимости «Impact Investing» ни на один язык – включая английский.

Impact Investing – разработка новых финансовых технологий, инструментов и стандартов, формирование нового слоя управляющих и посреднических структур для обеспечения доступа инвесторов «глобального Севера» в те кризисные сферы экономики «глобального Юга», которые были для них ранее недоступными. («Обуславливающее инвестирование»).

Излюбленным примером (скорее по причинам идеологическим) тут служит «микрофинансирование». В странах глобального Юга отстраиваются различные локальные рынки финансовых услуг, в которых мизерная сумма (типа десяти долларов) сразу умножается на многомиллионную численность бедных клиентов. Инвесторы не прочь вложиться в создание финансового кита, отцеживающего своими усами планктон микрозаёмщиков. Но чтобы это стало возможным, сначала должны состояться Impact-инвестиции в информационные сети, обеспечивающие *доступ* к услугам. Так, в упрощённом кейсе, условно приписанном к одной из тропических стран, сообщество малых фермерских хозяйств подключено к сервису специально созданной сети простейших мобильных устройств, позволяющих, к примеру, быстро заказать услугу ветеринара и расплатиться за неё с помощью виртуального микрокредита. В роли Impact-инвестора, вложившегося в проект развёртывания сети, выступил фонд прямых инвестиций, созданный в своё время с участием британской казны. Сама по себе сеть мобильной телефонии здесь окупилась бы нескоро: у местных жителей нет ни навыков, ни мотивов пользоваться современной связью. Но работает взаимообуславливание этажей проекта: именно загрузка сети услугами микрофинансирования создаёт дополнительный трафик, позволяющий Impact-инвесторам дожить до прибыли.

Impact Investing – использование новых инвестиционных инструментов для решения социальных и экологических проблем в зоне инвестирования, преодоления бедности, вовлечения локальных инвесторов и местных сообществ в запуск механизмов роста. («Развивающее инвестирование»).

Уэйн Силби, не упускающий поводов для саморекламы, рассказывает:
«Лет восемь назад мы инвестировали в китайский природоохранный фонд в Пекине. Только шестерых инвесторов заинтересовал этот маленький фонд, и только мы были из США. Люди тогда сочли моим чудачеством надежду на то, что китайцы когда-либо озаботятся своей окружающей средой. Сейчас под управлением этого фонда сотни миллионов, и это самый крутой фонд в сфере чистых технологий в Китае, куда стучатся коммерческие инвесторы. Не сомневаюсь, что это была именно Impact-инвестиция, которая принесла нам негабаритный возврат».

Impact Investing – отработка методических рекомендаций, технологий, инструментов экономической политики для правительств, заинтересованных в привлечении нового класса инвестиций. («Локализующее инвестирование»).

Это выделенная, быстро развивающаяся сфера Impact Investing. В ней, к примеру, действует специальная сетевая структура Impact Investing Policy Collaborative (Кооперация в области политики Impact Investing). В США и Великобритании правительственные ведомства осуществляют политику в поддержку Impact Investing. Но помимо этого, государственные мероприятия реализуются в Бразилии, Кении, Малайзии, Южной Африке…

Вообще следует отметить, что Impact Investing обеспечивает мощное практическое обоснование новой апологетике капитализма: оказывается, погоня за прибылью вполне совместима с решением социальных проблем третьего мира, с борьбой за социальную справедливость…

Однако циничные формулировки идеологов Impact Investing по вопросу *новой роли государства* травмируют либеральные перепонки:

«В развитых экономиках лидерам Impact Investing ясно, что правительство способно, должно и обязано играть ключевую роль в росте индустрии. Это также осознаётся в странах BRICS, где государство является интегральным, основным игроком практически в каждой сфере экономики.
Правительства могут играть мощную, прямую роль на рынке Impact Investing, используя свою финансовую мощь для обеспечения достойных инвестиций дешевым, стабильным капиталом, и посредством гарантий модерируя риски частных и бесприбыльных инвесторов в синдицированных сделках»[4].

От эдакой неполиткорректности у ночного сторожа опускаются невидимые руки…

Проектные ценности

Зададимся простейшим вопросом, который должен бы неминуемо взбредать на ум при ознакомлении с парадигмой «комбинированной ценности» Blended Value.

Чьи именно ценности в ней скомбинированы?

Пусть инвестор искренне проникся идеей осчастливить жителей Сахеля чистой водой, которая для них представляет высшую ценность. Но разве он сам страждет пить эту воду? С другой стороны, пусть жертвы засушливого климата от всей души стремятся улучшить климат инвестиционный. Но даже коли так – желание инвестора получить максимальную прибыль не становится их собственной нуждой.

Вывод напрашивается.

В акте «Impact Investing» принимают участие несколько агентов: поставщики инвестиций, их получатели и (в общем случае) посредники между ними. У каждого из участников, естественно, свои цели и ценности. Так вот, *как минимум один из участников (а именно – инвестор), стремясь к достижению своих целей, для этого сознательно учитывает цели и ценности некоторых других участников и содействует их достижению*.

Вообще-то такое противоестественное поведение участников называется *проектным инвестированием* (в отличие от бизнес-кредитования), а весь акт в целом – инвестиционным проектом.

Impact Investing: из глубины

Как же нормальные западные бизнесмены, призванные с упоением перегрызать глотки конкурентам, докатились до жизни такой?

Проектному инвестированию противостоит нормальное, банковское. Инвестбанкир прибывает в Страну дураков и быстро-быстро сканирует Поле чудес. Там есть многочисленные ямки-проекты, куда необходимо закопать золотой, чтобы потом извлечь оттуда два или три. При этом ему совершенно неохота докапываться, что в какой из ямок происходит. Вместо этого он стремится перепоручить все поля чудес каждой из стран дураков местной бирже «Алиса&Базилио», а сам занимается «секьюритизацией» инвестиций на предмет избегания рисков.

Когда инвестор богатеет, он перестаёт бегать сам, наоборот, все заинтересованные в инвестициях представители вышеупомянутых стран прибегают и толкаются вокруг него с бумагами. Для систематизации и организации этой толпы учреждается фондовый рынок.

---

[4] **Accelerating Impact**. Achievements, Challenges and What's Next in Building the Impact Investing Industry. Доклад, изданный в июле 2012 г. под эгидой The Rockefeller Foundation.

Ходить туда инвестору тоже теперь западло, на нём трудится бригада наёмных брокеров. Но чтобы избежать разнобоя и произвола в их деятельности, теоретики фондового рынка на основе статистических закономерностей выводят теории правильного инвестирования. По мере того, как теории уточняются и отливаются в математические формулы, работа брокеров начинает перепоручаться торговым роботам.

Итак:

- инвестор отгородился от конкретного содержания проектов фондовым рынком;
- затем между собой и фондовым рынком поставил брокеров;
- между брокерами и проектами вставил бумаги, выпущенные по их поводу;
- потом между брокером и рынком бумаг поставил формулы и статистические закономерности колебания стоимости бумаг;
- потом между формулами и бумагами поставил торговых роботов…
- и вот роботы уже автоматически от его имени начинают с безумной скоростью носиться и вкладывать в бумаги, вкладывать, вкладывать…

Наступает, казалось бы, апофеоз невидимой руки, которой инвестор, на 100% освободившийся от мороки с содержанием проектов, предоставил полную свободу инвестировать от своего имени. Продался «невидимой руке» с потрохами, всучил ей всю постылую ответственность и предался неге беспримесных ценностей. Сам он не читал, но слышал: то ли у Адама (Смита), то ли в истории про Инквизитора сказано, что у руки получается лучше.

Но в этот момент, увы, является совсем иная, незримая рука. Инвестор и гости его пира имеют возможность наблюдать только кисть, которая чертит на флипчарте огненные письмена.

Вот смысл великого кризиса, который не в 2008 году начался и не в 2009 году закончился, но его контуры в этот момент явственно проступили. И ответом живых сил западного мира стал первый шаг по переходу из клиентов невидимой руки – в агенты незримой.

Impact Investing, проектное инвестирование.

Курсом товарища Баффета

Придворные историографы Impact Investing ведут кастинг кандидатов на роль пророков, предтеч и отцов-основателей, добираясь уже до эпохи квакеров. Но они проворонили под носом исполинскую фигуру классика. Уоррен Баффет первым среди миллиардеров и на практике, и в теории открыто отринул портфельное инвестирование во имя проектного.

Парадигма Баффета – инвестировать не в бумаги, а в конкретную фирму, точно выяснив, как она устроена, чего хочет и что умеет её команда, каковы перспективы её сферы деятельности и спроса на её продукты. Правильно оценить деятельность компании означает, среди прочего, разобраться с её целями и ценностями, чтобы интегрировать их в инвестиционном проекте.

Парадигма Баффета десятилетиями отважно противостоит непобедимому, казалось бы, напору финансового мейнстрима. Баффет – абсолютный моветон, маргинал, нерд с полусотней миллиардов в кармане пиджака, купленного на распродаже. Его основной бизнес почти полвека растёт, хоть ты тресни, на 20 с лишним процентов в год. Не будь он чемпионом Форбса, его, конечно, заплевали бы и осмеяли. Вместо этого, он сам дарит олимпийскую улыбку:

> Чтобы успешно заниматься инвестиционной деятельностью, вам нет необходимости разбираться в понятиях «коэффициент бета», «эффективный рынок», «современная

портфельная теория», «опционное ценообразование» или «развивающиеся рынки». Скорее всего, незнание всех этих терминов принесет вам только пользу. Конечно, такому подходу не обучают в большинстве школ бизнеса. Наоборот, все вышеперечисленное занимает важное место в учебных планах по предмету «финансы». Нам же кажется, что будущим инвесторам необходимо тщательно изучить лишь два курса — «как правильно оценить деятельность компании» и «как относиться к рыночным ценам».

Ныне положения и выводы, содержащиеся в речах и выступлениях уважаемого вождя товарища Баффета, легли в основу передовой теории и практики широких масс Impact-инвесторов.

Люблю я очень это слово – но не могу перевести…

КПД Impact-инвестирования в его нынешних кондициях безнадёжно отстаёт от паровоза. Что с того? Дело наживное. Венчурное финансирование инноваций в силиконовых долинах по сей день чудовищно неэффективно. Зато в других местах оно вовсе не работает. Выбирать не приходится.

Создание нового в краях Запада движется эволюционно, как стадо бизонов, всё сметая, съедая, вытаптывая на своём пути. Попадись по дороге хоть пропасть – её заполнят собой тушки первопроходцев.

Но для жителей благословенных земель «догоняющего» или «зависимого» развития, взбреди им в голову заимствовать и переносить на свои поляны чудеса Impact Investing, есть ряд банальных, но дельных советов.

Дело в том, что за время переноса переносимое может измениться до неузнаваемости.

Слово Investing в названии свидетельствует, что проектная деятельность пока рассматривается и описывается с позиции *инвестора*. Но последний, при всём к нему уважении, не единственный участник проекта – на то он и Blended. Опыт фондов private equity подсказывает ещё две равно важных позиции в проекте: управление цепочками добавленной стоимости и управление капитализацией конкретных активов. Описание того же самого предмета – *управления стоимостью*, с каждой из этих позиций будет существенно иным, подобно женскому и мужскому подходу к браку.

Но это далеко не всё. Есть две обширных профессиональных сферы проектной деятельности, куда экспансия impact-подхода ещё только начинается. Это, во-первых, сфера *инфраструктурных проектов*, где на передний план выходит управление *эффективностью*, требующее *организационных* и *правовых* компетенций. Во-вторых, высокопрофессиональный мир *производственных проектов*, в центре которых – управление *мощностью*, где востребована компетенция классического *инжиниринга*. Инвестиции нужны и в первом, и во втором случаях, но по мере углубления в указанные сферы инвесторы чувствуют себя всё более неуверенно.

Если по одной оси отложить типы инвестиционных проектов, а по другой – набор ролей их основных участников, то получится матрица требуемых стандартов, на покрытие которой нынешним способом не хватит всего бюджета Rockefeller Foundation. Нынешним – значит эмпирическим. Тут не обойтись без подключения потенциала систематизированного знания. Тем более он за столетие практически уже наработан в широком русле институционального подхода. Великий Коммонс предложил исчерпывающую типологию *трансакций*, на которую академическое сообщество тупо пялится восемь десятилетий. Надо надеяться, практики проектного инвестирования разберутся быстрее.

Итак, шкала требуемых проектных стандартов начинается с позиции *инвестора*, а завершается симметричной ролью *инженера*. Сегодня промышленный инжиниринг задаёт высоту планки на шкале компетенций, которую финансовым технологам предстоит только начать преодолевать. Инженерное дело использует специальную разновидность знаний об искусственных, проектных объектах. Законы физики, химии, биологии там не нарушаются – они используются, работают в составе инженерных дисциплин типа сопромата. В результате металлические конструкции поднимаются в небо и летают выше птиц. Новым проектным инвесторам необходимы системы автоматизированного проектирования, в которые вместо естественных наук программно зашиты институциональные знания. Стандарты Impact Investing, точнее – то, что так называется, пока далеки от того, чем им предстоит стать.

У волны инвестиционных технологий – сложное будущее. Она ещё способна раздробиться на несколько волн с особым именем и судьбой. Может наложиться на иную, не менее масштабную, образовав с ней головокружительную интерференцию. Тогда, возможно, генерация новых финансовых технологий обретёт своё подлинное имя вместо названия-протеза Impact Investing.

А покуда одно можно утверждать определённо: волна не пройдёт мимо. Её мощь уже вздымает нас.

Точнее, мы болтаемся в ней как невидимый актив в проруби.

Заглянем в лицо трагедии. Увидим ее морщины

Есть громкие слова, парадно-трибунные, пустые – но создающие иллюзию полнозвонности. Вроде «национальной катастрофы».

И есть тихие, незначащие, будто стёртые – как Impact Investing.

Что если советский атомный проект, наступавший на пятки Манхэттенскому, закончился бы неудачей, ничем?

Позор, национальная катастрофа. Речь даже не о том, что нас всенепременно принялись бы бомбить – не факт. Но это стало бы немыслимым унижением страны, полным крахом её руководства, провалом учёного сословия. Пришлось бы отступать из Ялтинских границ. Не было бы Гагарина, космической гонки, героических физиков и лириков, Кубы и Вьетнама, Асуанской ГЭС, БАМа и подлодки «Курск»…

А теперь попробуем вообразить иной сюжет. На восьмом году Манхэттэнского проекта, когда уже полным ходом идут ядерные испытания и развёртывание баз по всему миру, у нас в стране никто об этом не подозревает, да и особо не интересуется. Президент объединённой Академии Трофим Денисович Лысенко давно закрыл неактуальную атомную тему. Лейтенанту Флёрову не о чем писать Сталину, он с упоением осваивает грант по теме облучения корнеплодов. Разведчики Берии, натасканные на секреты танковой брони, подрабатывают у чудаков в Лос-Аламосе, колупаясь с каким-то там плутонием, чтобы накопить себе на девочек и левый отпуск в Майами. Аналитики в Совмине пишут доклады о борьбе с саранчой и глобальным таянием мерзлоты.

В тускловатом зеркале Impact Investing отражается непривычная, жестокая картина мира, где по контурам нашей страны зияет пустое место.

Но речь даже не об этом. Совсем не об этом.

Современная гонка финансовых технологий на весах истории тяжелее ядерной и космической, вместе взятых. Американские конструкторы проектного инвестирования борются не с нами – нас уже нет. И не за мировое лидерство – оно ещё есть. Ставки тут

выше.

Идёт схватка с хтоническими силами социума – отчуждённой, непознанной, неконтролируемой физиологией общественного организма, из-за которой его с периодичностью кондратьевских циклов хватает глобальный кондратий.

Судьбы мира, включая нашу собственную, впервые за столетие решаются без нас.

Едва ли, однако, решатели готовы обойтись без российских ресурсов.

Доброе утро, страна!

Среди множества вопросов, всплывающих при беглом взгляде на гигантскую стройплощадку Impact Investing, выделяются две половинки одного, своего рода blended question.

1. *Каким образом России (вместе с большинством субъектов постсоветского суверенитета), увязшей в публицистической утопии тридцатилетней давности, вернуться в одно из русел потока современности?*
2. *Обречены ли мы на роль блудного сына – или есть ещё вакансии ключевых игроков?*

Касательно акта возвращения – тут нет выбора. Но есть, как водится, развилка: либо сами возвратимся – либо нас принудительно вернут.

Уже приходилось приводить оценки потенциала недополученной капитализации совокупных ресурсов российской территории. По отношению к среднемировому уровню удельной капитализации земной суши мы отстаём в разы. Лидеры Impact Investing умеют считать. Только за счёт фазы экстенсивного роста постсоветских экономик (по опыту послевоенного восстановления Германии и Японии она потребует от силы 5-7 лет) прирост глобального ВВП составил бы порядка 20%. To whom it may concern.

Стало быть, возвращение страны из промежности межвременья в современность в принципе могло бы стать и триумфальным.

Добудиться бы до триумфатора.

2. ТЕОРИЯ

Технологии роста[5]

Замедление роста, повсеместно наблюдаемое после 2008 года – знак глобальной экономической лихорадки, чреватой срывом в мировую катастрофу.

Человечество постоянно бьётся над проблемой роста неудовлетворённого спроса. Несмотря на отчаянные попытки, пока не удаётся обуздать рождаемость в большинстве стран мира. Там же, где она падает естественным путём, в населении растёт доля неработающих стариков, разбухают бюджеты на их лечение и социальное обслуживание. Притом одно и то же количество пищи, воды, полезных ископаемых с каждым годом требует всё больших затрат на производство и добычу из-за исчерпания доступных ресурсов.

Теряя темп, социальная система падает как двухколёсный велосипед.

[5] http://expert.ru/2013/12/18/institutsionalnyie-istinyi/

Растущее ресурсное напряжение отзывается тектоникой кризисов и конфликтов. СССР задохнулся от стагнации под аккомпанемент призывов к «ускорению». За обрушением СНГ последовала цепь региональных распадов с образованием не рубцующихся проблемных зон на Балканах, Ближнем Востоке, Северной Африке… Гуманитарные катастрофы там сопровождаются локальными войнами, волнами беженцев и метастазами терроризма. Это цепная реакция нестабильности, и чтобы загасить её, нужны ударные дозы гуманитарных либо силовых ресурсов международного сообщества. И те и другие ныне в растущем дефиците.

Россия, в чьём населении налицо несоразмерный перекос в сторону несамодеятельных «бюджетников», особенно зависима от темпов роста и беззащитна перед его флюктуациями. Недаром говаривал один отчисленный студент: ткни – и развалится.

Принято считать, что циклические кризисы производства преодолеваются за счёт появления и массового использования новых технологий, повышающих производительность труда. По мнению экспертного сообщества, сегодня эта эмпирическая модель дала сбой.

А что если верна иная гипотеза – об экспертной слепоте?

Есть серьёзные основания утверждать: новая технологическая волна уже возникла и развивается вполне своевременно. В тех секторах и зонах мирового хозяйства, что успели испытать её влияние, темпы роста могут превышать среднестатистические на порядок. Дело теперь за скорейшим расширением её фронта, массовым освоением компетенций и необходимых инструментов.

Станислав Лем в «Сумме технологии» показывает, как взгляд человечества, устремлённый в собственное будущее, застят стереотипы прошлого. В поисках старших братьев по разуму мы высматриваем в космосе дым фабричных труб и ловим радиоморзянку. В то же самое время большинство феноменов, непосредственно наблюдаемых на звёздном небе, необъяснимо в понятиях современной науки. Именно среди них стоило бы искать знаки астроинженерной деятельности.

Речь о парадоксальной «невидимости» новых технологий с позиций академического и экспертного здравого смысла, особливо – отечественного.

Машины роста

Невидимки среди социальных объектов – не редкость, скорее правило, чем исключение. В экономической теории и практике бытует понятие «невидимых активов». Но если вдуматься – невидим любой актив, зрима лишь его материальная оболочка (когда она есть). Пуще того, большинству понятий обществознания (например, «электорат») вообще трудно сопоставить чувственно воспринимаемые образы. Тем более это справедливо в отношении новых технологий: они невидимы вдвойне.

Эка невидаль: грамотный физик объяснит чайнику, что «энергия», якобы «текущая по проводам» и т.п., не более видима и осязаема, чем «энтропия» или «энтальпия». Привычная затёртость слов порождает иллюзию материальной очевидности.

Из справочников известно: термин «технология» отражает продвинутое состояние той или иной сферы общественного хозяйства, где знания о предмете и способе деятельности, накопленные в предыдущих поколениях, перестают быть достоянием отдельных умельцев. Они отчуждаются в виде описываемых, воспроизводимых, клонируемых инструментов и методов работы, доступных для массового освоения. Как это верно, Ватсон. И как всегда – мимо.

Здесь существенно, что в конечном счёте знания воплощаются в *машинах*. Это полуавтоматические устройства, способные в процессе коллективной деятельности

выполнять относительно автономную часть рабочих функций вместо человека и без его прямого участия. Паровоз преодолевает целые перегоны, лишь точечно нуждаясь во вмешательстве машиниста, кочегара и стрелочника.

Грядущий класс технологий автоматизирует новую группу функций, а значит – принесёт новый тип машин, способных взять их на себя. Именно эти чудо-машины и нужно выискивать тем, кто уповает на спасительную технологическую перезагрузку, возобновляющую глобальный рост.

Три важные подсказки, помогающие поискам.

Машина на пользовательском уровне должна быть *массовой* и *стандартной*. Множество социальных векторов направлено в эту сторону. Здесь и необходимость вооружения армий боевыми агрегатами. И нужда в согласованных действиях аварийных и спасательных служб в чрезвычайных ситуациях. И стремление максимально удешевить производство, эксплуатацию и ремонт. Пока творение инноватора остаётся уникальным – это не машина, а случайный артефакт, источник передряг бедолаги-изобретателя.

Человеческая деятельность коллективна всегда, по определению. *Коллективным* является и применение машин. Даже если частный водитель одиноко едет на частном авто, в процессе полнокровно участвуют дорожники, регулировщики, заправщики, ремонтники, страховщики и т.д. Изъятие любой из групп участников чревато остановкой, поломкой, аварией. Поэтому «машиной», строго говоря, служит всё тело автодорожной индустрии, а конкретный автомобиль играет роль одного из миллионов пользовательских терминалов транспортной технологии.

Машина должна не просто работать (выполнять функцию), не просто делать это лучше заменяемых работников (иначе зачем она нужна), но и обеспечивать при этом рост *производительности*. К примеру, энергетическая машина должна извлекать из природы больше энергии, чем затрачивается на её производство, установку, эксплуатацию и ремонт. Отсюда вытекает важнейшее требование к качеству знаний, используемых при создании машины: они должны быть *научными*. Лесковскому Левше хватило эмпирических сведений и навыков, чтобы подковать аглицкую блоху. Но она не прыгала, только сучила ногами: народный умелец не сумел рассчитать веса подков. Согласно классической метафоре, технология превращает науку в производительную силу. Выражаясь строже, наука материализуется в машине, становящейся новым ядром каркаса технологии. В этом отличие последней от мифопоэтической гравицапы и прочих нефункциональных разновидностей вечного двигателя.

Производительность роста

До середины XX века под «машиной» однозначно понималось искусственное устройство для извлечения (добычи), преобразования, хранения и передачи *энергии*. (Эйнштейновский принцип единства материи и энергии означает, в частности, что машины для резки металлов, стирки белья и перевозки грузов вполне подходят под указанное определение). Однозначный смысл, отдающий металлом и паром, имел и термин «технология».

Радикальное его углубление случилось в послевоенные годы. В 1947 году была учреждена Association for Computing Machinery. Для русского уха привычным стало выражение «электронно-вычислительная машина». Однако и в английском наряду со словом «компьютер» продолжают существовать «машина Фон Неймана», «машина Тьюринга» и т.п.

Нетрудно видеть, что теперь под «машиной» понимается искусственное устройство для извлечения (сбора), преобразования, хранения и передачи *информации*. Для совокупного обозначения разнообразных способов деятельности, включающих использование подобных машин, утвердился термин «информационные технологии» (IT).

Понятно, что машины второго типа (информационные) не существуют сами по себе. Это двухэтажная структура, включающая специальную надстройку над машинами первого типа (энергетическими). Ноутбук с виду напоминает электровафельницу: имеет металлический корпус с крышкой, штепсель, кнопку «Вкл.», при работе гудит, нагревается и т.п. Но внешние признаки не отражают сути. Для различения двух этажей применительно к информационным машинам стали употреблять термины hard и soft.

Конец века ознаменован появлением лавины всё более сложных типов онлайновых финансовых операций. Тот факт, что они совершаются с помощью электронных гаджетов и при посредстве IT-программ, не должен затемнять сути дела. Речь идёт о появлении простейших, одноклеточных машин третьего типа: искусственных устройств для извлечения, преобразования, хранения и передачи *стоимости*. Для совокупного обозначения разнообразных способов деятельности, включающих использование подобных машин, можно по аналогии употребить термин «стоимостные (финансовые) технологии».

Опять-таки, машины третьего типа (стоимостные) существуют не сами по себе, а как теперь уже трёхэтажная структура, включающая качественно новую надстройку над информационными машинами. Для обозначения третьего этажа применительно к стоимостным машинам, продолжая смысловой ряд hard и soft, будем употреблять рабочий термин intangible.

Строго говоря – как и в случае с частным автомобилем – машиной является не сам гаджет-терминал. Финансовая социальная машина включает, в частности, процессинговые центры, функционирующие в составе платёжных систем и т.д.

Очевидно, машины (и технологии) третьего типа являются наиболее общим, «полным» типом машин (технологий). Когда используются машины первого и второго типа («неполные»), это означает, что недостающие, не технологизированные виды деятельности (применительно к информации и стоимости), конечно же, и там имеют место, но осуществляются вручную. Причём руки – как выяснится ниже – в данном контексте подразумеваются пресловутые «невидимые»: отчуждённые силы политики и рынка.

Каждый из технологических этажей отвечает своему уровню институтов хозяйственной деятельности, а именно – уровням производства (hard), распределения (soft) и обмена (intangible). И каждый вносит свой вклад в уровень её *производительности*. Энергетические технологии определяют уровень совокупной *мощности* социального организма. Информационные технологии ответственны за социальную *эффективность*. Стоимостные технологии соответствуют общественной *капитализации*. Таким образом, интегральная производительность определяется произведением трёх институциональных сомножителей:

(Мощность) x (Эффективность) x (Капитализация)

Эволюция роста

Технология – массовая коллективная деятельность, где часть функций осуществляют машины – вызывает к жизни жёсткие стандарты не только их устройства, но и обращения с ними, а также подготовки кадров на основе этих стандартов. Машина имеет целый ряд полезных недостатков. Она подвержена коррозии, но не коррупции. Она безоткатна. Её не уговоришь нарушить инструкции. Машина не пьёт, не халтурит, не участвует в перекурах.

Машинное, автоматизированное ядро технологии, в котором «отвердевает» частица знаний, генерирует вокруг зону регламентированной определённости, способную разрастаться как кристалл. Так, начавшись, технологизация порождает цепную реакцию специализации, «онаучивания», автоматизации в смежных сферах общества, вытеснения

оттуда отчуждённого труда.

Новые волны технологий, генерирующие циклический рост в мирохозяйственной системе, распространяются не только *вглубь*, но и *вширь*, захватывая, преобразуя и передавая машинам новые функции и целые сферы социальной деятельности, ранее не затронутые технологизацией.

Межвоенный и послевоенный рост в XX столетии опирался на массовое распространение уже не *производственных*, а качественно новых, *управленческих* технологий. На их фундаменте теперь начинается мощное развитие *экономических технологий*, перенимающих роль основного фактора роста на рубеже третьего тысячелетия.

Именование роста

Элементарными, эволюционно простейшими предтечами новой волны являются методологии типа Impact Investing. Но функционально подобные подходы, различающиеся скорее спонсорами, как грибы прорастают под брендами Positive Investing, Social Investing, Responsible Investing, Sustainable Investing и т.п. Общее, что их объединяет – отглагольное существительное «Investing», схватывающее существо дела, в то время как эпитеты отражают разнокачественные частности. Поэтому ниже будет использоваться собирательный термин «*Преобразующее инвестирование*»[6].

Этот знаковый социальный феномен, давно ставший всемирным, по-прежнему остаётся в зоне слепого пятна обитателей домена **.рф** и окрестностей. Мои многолетние попытки привлечь к нему внимание русскоязычных читателей пока безрезультатны.

Не достучался до них и Всемирный экономический форум. Тема преобразующего инвестирования неизменно занимала знаковое место в повестках встреч в Давосе, начиная с 2012 года. Но делегация РФ посещает их, судя по всему, исключительно с целью, сев в кружок, посудачить о домашних делах.

Не суждено было стать истинным просветителем евразийских тундр и британскому премьеру Кэмерону. С его подачи в 2013 сформирована рабочая группа G8 по проблематике преобразующего инвестирования. Легко догадаться, какая из стран-участниц прогуляла этот урок. Через год председательство в «Большой восьмёрке» должно было перейти к России. Однако такой пункт её повестки дня как Impact Investing для тугого русского уха продолжал оставаться непереводимой игрой слов. Казённая мысль проспала технологический сдвиг, по значимости сопоставимый с ракетно-ядерной гонкой, – и как следствие ожидался большой международный конфуз. Не было бы счастья, да сокращение восьмёрки помогло.

Однако жизнь берёт своё, и в привластном сегменте научно-экспертного сообщества вот-вот аврально откроются вакансии импактоведов. Грядёт отчаянная давка – святу месту пусту не бывать. Китайцы на сей счёт выражаются циничнее: в святом месте немало нечисти.

Мифология роста

А покуда пустоту, оставленную рациональным знанием, заполняет мифология.

Среди российских бизнесменов (имеющих в большинстве естественнонаучное образование) много лет бытует странное поверье по поводу предмета и характера предпринимательской деятельности. Считается, будто ремесло классических инженеров,

[6] http://impact-invest.ru/

имеющих дело с материально-энергетическими машинами, поддаётся строго научному описанию и точной регламентации. С некоторой натяжкой эта добродетель теперь переносится также на носителей и создателей информационных технологий. Предпринимателям же в ней категорически отказано. Их деятельность якобы имеет непредсказуемый, немоделируемый характер азартной игры; успех в ней определяется интуицией, креативностью, опытом, и в конечном счёте – удачей. И получается, предпринимательство в принципе несводимо к набору компетенций, которые можно изучить, описать и приобрести на регулярной основе.

Якобы, инженер, возводящий промышленный объект, способен вести эту работу по плану, на строго научном фундаменте. Но стоит погрузить её в контекст экономической алхимии – на сцене появляются мойры, богини случайности: Клото прядёт нить судьбы предприятия, Лахесис предопределяет длину его жизненного цикла, Атропос обрекает на рыночный крах.

На деле, наивны обе точки зрения на социального инженера – независимо от того, имеет ли он дело с машинами первого (энергетического), второго (информационного) или третьего (стоимостного) типа.

Риски роста

Согласно технократической мифологии, инженер овладевает силами природы благодаря познанию законов, которым она подчиняется. Это полная чепуха – от начала до конца.

Попытки юных натуралистов принудить роняемые тела к соблюдению закона Ньютона обескураживают: те и слышать не желают об «ускорении свободного падения». Выясняется, что правильное падение можно наблюдать разве что в вакууме. Да, но где его взять? Вроде бы, он есть в космосе – только там, к сожалению, ничего не падает. Точнее, падает всё, включая наблюдателя. И приходится учитывать силу Кориолиса, тяготение Луны и других тел, солнечный ветер и релятивистские эффекты… Лаконичная гармония закона теряется под наслоениями бесконечных поправок и подгонок. Притом доставка наблюдателя на орбиту требует астрономического бюджета.

Возвращаясь на землю, естествоиспытатель свинчивает громоздкую башню-установку с насосами для создания вакуума и толстыми стенами, которые не должны сминаться атмосферным давлением. Туда нужно ухитриться ещё воткнуть точную измерительную аппаратуру, мимо которой будет пролетать падающее тело. Но дальше – больше: выясняется, что Земля не вполне шарообразна, и результаты измерений зависят от координат установки, которую приходится делать мобильной… В результате прозрачная формула сэра Исаака опять обрастает поправками, а бюджет экспериментатора возвращается к космическим величинам.

Дело в том, что природе вовсе не свойственно подчиняться никаким «законам». Или – переиначивая ту же мысль – она склонна подчиняться всему множеству законов разом. Притом человеку всегда известна лишь часть этого множества. В результате инженер ухитряется подчинить формуле очередного «закона» не праматерь-природу, а лишь её искусственно усечённую версию – экспериментальную установку, собранную своими руками. И чем выше требуемая точность подчинения – тем больший бюджет требуется для того, чтобы её обеспечить.

Ситуация неслучайно напоминает пресловутую «политтехнологию». Сходство тут как по форме, так и по сути.

Нет никакой принципиальной разницы между физикой и экономикой (если она по-настоящему предметна и научна) в смысле точности моделей и предсказуемости результатов. Культура работы инженера зависит не только от качества его теорий, но и от

понимания границ и условий их применимости, от искусства конструирования и испытания машин, погружаемых в доступный фрагмент реальности.

Неопределённости роста

Итак, законам подчиняются не силы природы, а машины, создаваемые руками человека и его разумом. Как выясняется, природный материал, с которым имеют дело машины и из которого состоят, неистощим на сюрпризы, чреватые поломками и авариями. Конечно, расследование каждой из них открывает новые закономерности, не учтённые конструкторами. Это позволяет внести усовершенствования не только в теорию, но и в конструкцию машин, избавляющие от прежних проблем – но, увы, не спасающие от новых. Человеческая деятельность – вообще рискованное дело.

Но где же источник всё новых законов? К сожалению, он не в голове у конструктора, он объективен. В том смысле, что царство Истины – такой *объект* по отношению к человеку, который невозможно *опредметить*, то есть на манер Природы сделать предметом инженерных изысканий. Истина трансцендентна, сиречь открывается человеку, как и когда сама хочет, а не когда и откуда этого захочется ему. Открытия, увы, не совершают, – это не более чем фигура речи, они совершаются.

Проделав весь путь от научного открытия, через изобретение («инновацию»), до его воплощения в работающей технологии («коммерциализации»), люди создают новое орудие совместной деятельности – машину, социальный агрегат. Он представляет собой, с одной стороны, преобразованный фрагмент Природы, а с другой – овеществлённый фрагмент Истины.

В процессе этой рациональной, сознательной деятельности они сталкиваются не только с неконтролируемыми процессами природной *эволюции*, порождающей *риски*, но и с непредвиденными процессами идеального *становления*, создающего *неопределённости*.

Однако рисками и неопределённостями проблемы человеческой деятельности далеко не исчерпаны.

Издержки роста

Человек только в художественной литературе звучит гордо, а в эмпирической реальности ему пока особо нечем гордиться. Деловитый Хомо Сапиенс, опосредующий миры Природы и Истины, не является целостным, внутренне единым субъектом на манер разумной планеты Солярис. По выражению Аристотеля, человек – общественное животное: *не существо, а популяция* существ.

Люди преобразуют природу и познают истину не непосредственно, а в составе общества, части которого действуют бестолково, несогласованно, противоречиво и своекорыстно. Деятельности общественного человека противостоит не просто «дочеловеческая» природа (в виде абстрактных джунглей), а его собственная социальная природа в виде неподконтрольных ему сил общественной связности, таких как «рынок», «политика», «война». Сцепление этих невидимых рук – источник *трансакционных издержек* общественного производства. Это социальный аналог трения, точнее – броуновского движения.

Знания тоже проникают в человеческую популяцию не напрямую, как лучи света Истины, они продираются сквозь социальные фильтры *идентичности*, преломляются в кривых призмах общественных форм осмысления. В человеческий оборот вместо непостижимых платоновских «эйдосов» поступают и обращаются такие затёртые монеты гуманитарного «рынка», как разноязычные и взаимонепереводимые *символы*, *образы* и

понятия.

История наиболее выдающихся конструкторов волны экономических технологий только пишется. Издержек и драм в ней куда больше, чем лавров. Баффет, публично посрамляющий модные теории фондового рынка, скрывает лицо под маской юродивого. Сорос, безуспешно пытавшийся – начиная с «Алхимии финансов» – придать своим открытиям статус научной методологии, не раз испытывал участь изгнанника во многих странах Европы и Азии, где действовали его благотворительные фонды (работавшие фактически в русле преобразующего инвестирования). Гениальный Милкен – создатель мегарынка Junk Bonds, фундамента современной инновационной экономики – на годы угодил за решётку. Причём, как и в случае с Королёвым, причиной были не происки косного режима, а технологии инспирируемых посадок, виртуозно применяемые в борьбе кланов.

Волны новых технологий неизменно налетают на волноломы старых.

Понятия роста

Мостиком, переброшенным от философии к общественной науке, стала гегелевская конструкция «отчуждения». Отсюда, от концепта «социального самоотчуждения», гениально отождествлённого с понятием ***собственности***, отправились в путешествие за открытиями три младогегельянца, один из которых от философии через политику проложил путь к науке.

В геноме «Экономическо-философских рукописей 1844 года» уже содержится программа построения институционализма как теории собственности. Пожизненная работа Маркса над темой «Капитала» была лишь гипертрофированной реализацией её начального пункта.

Понятиям, отражающим социальную природу человека, Дюркгейм свыше столетия назад дал собирательное имя *институтов*. В этом смысле *институционализм* – не частное направление экономической мысли, а *родовое имя всей науки об обществе,* его институтах *производительности, собственности, идентичности*.

Вебер заложил основы для матричной классификации институтов и задал стандарты культуры работы с теоретическими моделями в науке об обществе.

Веблен вскрыл роковой конфликт между логикой институтов производства, переживающего мощный процесс технологизации, и разрушительным самодвижением институтов обмена, порождающих погоню собственников за частной капитализацией.

Коммонс ввёл в научный оборот ключевой концепт «*трансакции*» – атомарной единицы собственности, отчуждённой формы общения, которая сопутствует любым актам производства, распределения и обмена и обеспечивает саму их возможность.

Коуз родил понятие «трансакционных издержек», позволяющее в институциональной математике перейти от качественных моделей к количественным. С этого пункта начинается современная теория институциональной *производительности*, в рамках которой только и можно корректно определить понятие *роста*.

Сумма технологии роста

Вот первые итоги.

Новую технологическую волну, призванную и способную обеспечить возобновление глобального роста, образуют современные экономические технологии, в ядре которых – машины третьего типа, платформы на базе *распределённых реестров активов*. Что можно и чего нельзя узнать о движении фронта этой волны, исходя из институциональной теории?

Неизвестны заранее место, время, национальная принадлежность первопроходцев

типа Накамото и Бутерина, изобретателей примитивных финансовых паровозов, непрогнозируемы сюжеты и перипетии рискованной борьбы за их внедрение и распространение.

Непредсказуемы первоначальный вид, символическое воплощение, авторство новых теорий, неопределённые обстоятельства озарения первооткрывателей идеями.

Что до стандартов деятельности, образующих фундамент новых технологий – в своём зрелом виде они совершенно не зависят от упомянутых выше рисков и неопределённостей. Они строго классифицируемы и формализуемы, адекватно выразимы на языке математики; многое о них можно и нужно сказать – и в этом смысле предсказать – уже сегодня, сейчас, не прибегая к услугам визионеров и гадалок.

Иными словами, рационально познаваем полный набор типов предстоящих технологий (и снимаемых ими трансакций вкупе с издержками), глобальный тренд и нормативный порядок их появления и смены в мирохозяйственной системе – причём, на всю глубину наступающей эпохи. Этот процесс, стартующий от элементарного уровня «преобразующего инвестирования», можно представить как заполнение ячеек периодической таблицы институтов. О каждой из них заинтересованным лицам и организациям многое не только можно, но и должно знать заранее.

Новая технологическая гонка стартовала. Она определит новое лицо и судьбы мира.

3. ПОЛИТИКА

Преобразующее инвестирование – решение проблемы роста[7]

Замедление роста мировой экономики – свершившийся факт. В каждом из страновых хозяйств оно имеет особенности, однако становится всё яснее: речь идёт о глобальном кризисе, входящем в критическую фазу.

Долговременные циклы роста/спада связаны с волнами формирования и экспансии нового типа технологий. В конце цикла ведущий технологический уклад, исчерпав пространство экстенсивного распространения, упирается в свои границы. Это приводит к остановке роста и всеобъемлющему кризису.

Итак, сегодня речь идёт не о классических индустриальных технологиях, и не о популярных информационных, а о качественно иной, третьей волне – стоимостных, финансовых, технологиях капитализации.

Идея, которая легла в основу технологий преобразующего инвестирования, одновременно проста и эффектна. Замедление роста экономики повсеместно генерирует рост социальной напряжённости. В мире углубляется разрыв между растущим спросом на ресурсы и наличным предложением. Средств государственных бюджетов, программ международной финансовой помощи и благотворительных фондов уже не хватает на его покрытие. Одновременно сокращаются бюджеты на силовой ресурс, необходимый для умиротворения конфликтных и протестных зон. Существуют ли иные источники денег, которые можно в большом объёме и достаточно быстро направить на тушение социальных пожаров?

Безусловно, да. Это деньги *инвесторов* развитых стран, где по ряду причин возник и нарастает «навес ликвидности». Весь вопрос в том, что эти колоссальные средства пойдут

[7] http://expert.ru/expert/2014/15/ne-propustit-volnu/

в проблемные зоны только при условии, что они будут там работать в своём инвестиционном качестве, при должных гарантиях создания и вывода добавленной стоимости.

Технология преобразующего инвестирования нацелена именно на формирование массового потока проектов, которые решают социально-значимые проблемы, при этом обеспечивая инвесторам приемлемые доходы. Идеологи и конструкторы преобразующего инвестирования изначально были намерены перенаправить в это русло мировой инвестиционный мейнстрим, они планировали к концу десятилетия выйти на триллионные рубежи.

В российском политэкономическом сообществе ещё теплится иллюзия, будто возобновление роста экономики может случиться само по себе из-за «оживления конъюнктуры», или достижимо путём манипуляций с учётной ставкой и налоговым законодательством. На деле на завершающей фазе большого цикла экономика старой волны в целом обречена на стагнацию. Подлинный рост происходит в зоне зарождения и действия новой волны; то, что растёт – новый технологический уклад, интегрирующий фрагменты старого в свои трофические цепочки добавленной стоимости. Роль современного государства – конструировать и пестовать эту зону роста, в которой стагнирующая экономика переплавляется в новую[8], всемерно расширять её границы.

В сегодняшней российской экономике по большому счёту нечему расти.

Технологическое перевооружение лидеров глобальной экономики идёт полным ходом. Неучастие России в этом процессе влечёт угрозу потери суверенитета. Причём, угрозу принципиально нового типа – не только и не столько военно-политического.

Преобразующее инвестирование – вызов России

Всякая новая технология, сама по себе не являясь ни благом, ни злом, создаёт для общества новые возможности – и одновременно несёт потенциальные угрозы. Тем более это справедливо в отношении качественно нового класса технологий. Расширение фронта преобразующего инвестирования – независимо от намерений его различных участников – неизбежно ведёт к глобальному переделу экономической мощи и ресурсов[9].

Классические иностранные инвестиции в ресурсы и производственные фонды стран догоняющего развития были для инвесторов палкой о двух концах: укрепляя потенциал получателей, они постепенно ослабляли зависимость от внешних источников; повышая капитализацию объектов инвестирования – генерировали конфликты между участниками по поводу распределения добавленной стоимости.

Технологии типа Impact Investing позволяют их носителям обойти указанные осложнения путём массированных инвестиций в проекты модернизации социальной инфраструктуры (образовательные, медицинские, природоохранные и т.п.) третьих стран, предоставляемых под их государственные гарантии. Но тем самым создаётся угроза для обществ российского типа: обладающих значительной долей экономически несамостоятельного населения, которое привержено западной модели потребления при несопоставимо меньшем подушевом доходе.

Не случайно – опережая волну преобразующего инвестирования – на Россию уже накатывает эпидемическая мода на «социальное предпринимательство». Речь чаще всего идёт о некоммерческих проектах, нацеленных на достижение социально-значимых целей, для которых технология монетизации пока не разработана. Поэтому они претендуют на бюджетную поддержку, гранты или средства благотворителей. В такой ситуации

[8] При этом, конечно, сохраняется роль макроэкономического регулирования, призванного обеспечить социальную стабильность на весь переходный период, за счёт старой волны аккумулировать ресурсы для стимулирования новой.

[9] При подготовке раздела использованы материалы и консультации Алексея Макушкина.

государство оказывается между двух огней. С одной стороны – экономически пассивное большинство населения под влиянием рекламы образа жизни постоянно требует от власти повышения уровня социальных расходов, а удовлетворение этих требований, обеспечивающее социальную стабильность, ограничено планкой хозяйственного роста. С другой – креативное сословие всё чаще облекает требования бюджетного электората в наглядную оболочку конкретных социальных предприятий и проектов. Средств в казне для их поддержки нет – но тут с международных рынков движется волна преобразующего инвестирования, агенты которого готовы предоставить «социальным предпринимателям» практически любые средства на длительный период по сравнительно низкой ставке. Правда, инвесторы хотят получить государственные гарантии, которые вроде бы не выглядят слишком обременительными. Особенно с учётом того, что сроки расчёта заведомо превышают средний жизненный цикл федеральных и региональных органов власти.

Фактически же это означает иностранное кредитование социального бюджета государств под залог их социальной инфраструктуры. Понятно, что (независимо от степени осознанности действий участников) эта практика закладывает под национальные суверенитеты фугас замедленного действия. В неё вмонтирован механизм конфликтного перетока собственности на инфраструктуру воспроизводства человеческого капитала к внешним инвестиционным центрам. Государства, принимающие такого рода инвестиции, пока не в состоянии конвертировать их в добавленную стоимость; при этом по обязательствам рано или поздно придётся платить. Кризисы неплатежей будут конвертироваться в социальные кризисы. Новые власти, произведённые на свет квазиреволюциями майданного типа и остро нуждающиеся в новых «инвестициях в стабильность», обречены расплачиваться по старым заложенной инфраструктурой.

Что касается эмитентов – сами инвестиционные инструменты, которые поначалу они могут просто «печатать», будут приобретать обеспечение и расти в объёме как раз через капитализацию гарантий государств-заёмщиков. А стимулятором и катализатором растущего спроса на такого рода социальные инвестиции служит заразительная модель образа жизни и потребления, производимая там же, где эмиссия денежных знаков.

Перед нами – одна из стратегических угроз принципиально нового типа. Её невозможно предотвратить политическими, пропагандистскими и прочими традиционными средствами. Неважно, существуют или нет планы заговорщиков и контрпланы их разоблачения – здесь все ведут себя сообразно матрице своих естественных интересов и технологии их реализации. Но в результате формируется международный «рейдерский» механизм, представляющий глобальный аналог известной «теоремы Коуза». Перепад в уровнях национальной производительности объективно ведёт к ускоренному перетоку собственности на национальные ресурсы к субъектам и центрам, использующим технологии третьей волны. А параллельно страну покидает наиболее современная и самостоятельная часть её граждан.

Россия первой столкнётся с этой угрозой в ряду стран догоняющего развития. Высокий уровень социальных запросов населения, сформированный предыдущим историческим развитием, сыграет здесь злую шутку.

Преобразующее инвестирование – ресурс России

Единственный способ предотвратить и опровергнуть эту угрозу – скорейшее включение страны в новый этап технологической гонки. Цель – достижение лидерских позиций. Технологическое лидерство позволяет, как известно, достичь паритета с соперниками, экономически более сильными. Чтобы догонять лидеров на уровне основного хозяйственного уклада, нужно опережать их в скорости и эффективности преобразования стареющей национальной экономики технологиями новой волны. Кроме

того, мы быстрее можем созидать, поскольку нам меньше предстоит разрушать и реконструировать – известное преимущество догоняющего игрока.

Позитивный, производительный потенциал технологии преобразующего инвестирования, который ещё только начинает проявляться, заключён в парадигме «конвертации ценностей» (Blended Value). Это технологии, предназначенные для сознательной капитализации проектов, направленных на достижение общественно-значимых целей (обладающих социальной ценностью). Технологии, подразумевающие конструирование проектных отношений между инвесторами, различными благополучателями (коммерческими, корпоративными, государственными, общественными) и собственниками вовлекаемых в процесс ресурсов, фондов и активов. Конструирование таких отношений, которые обеспечивают поэтапную конвертацию ценности (value) в стоимость (cost). Наконец, это технологии, призванные обеспечить массовое формирование преобразующих инвест-проектов, их мощный конвейер, притягивающий инвестиционный мейнстрим.

Постановка и экспертная проработка этих задач в сообществе Impact Investing уже состоялась, но работа по их решению ещё в начале пути. И здесь у России есть потенциальные преимущества и заделы для формирования новой миссии не только на постсоветском пространстве, но и в масштабах всего третьего мира.

Преобразующее инвестирование – лишь первый представитель формирующегося класса институциональных технологий, нацеленных на рост общественной производительности за счёт управления трансакционными издержками. Институциональная инженерия создаёт и использует технологии взаимной конвертации различных типов социальной мощности, эффективности и капитализации. Согласно современному подходу, роль инвестора в проекте может взять на себя собственник самых различных ресурсов, фондов и активов. Можно (и нужно) инвестировать не только капиталы, но и месторождения, внутренний спрос, транспортные коридоры, инновационные производственные переделы, кадровые компетенции, национальные правовые комплексы и системы управления.

У нас бытует архаическое, «фетишистское» представление об инвестициях как о мешках с банкнотами, ввозимых из-за рубежа в зоны благоприятного «инвестиционного климата». На деле импортируются не деньги, а услуги современных институтов инвестирования, которые мы не озаботились создать у себя в стране. Импортируются финансовые инструменты, которые только и приобретают капитализацию (в частности, могут становиться «деньгами»), будучи включены в циклы расширенного воспроизводства наших национальных ресурсов.

Но денежные трансакции между собственниками активов, как только те включаются в контур институционального проекта, становятся ненужными. Они выдавливаются оттуда как вода из сжатой губки, замещаются системой внутрипроектного клиринга – в полном соответствии с гениальным предвидением Рональда Коуза. Циркулирующая по каналам системы стоимость исправно служит для учёта вклада собственников, обменивающихся доступом к активам, в конечный проектный результат – но больше не нуждается в ветхой оболочке монет и купюр.

Это особенно важно для проектов развёртывания и эксплуатации сложных производственно-технологических изделий и объектов. Институциональные технологии позволяют тысячам поставщиков и партнёров по кооперации прекратить бессмысленную «торговлю» между собой, эвакуировать колхозный рынок из сердцевины высокотехнологичных отраслей. Остаточная потребность в финансировании при этом концентрируется на внешнем контуре проекта. В частности, остаётся нужда в зарплатном обеспечении семейно-бытовых нужд сотрудников проекта на период до выхода на продажи готовых проектных изделий или услуг. В отсутствие же адекватных управленческих технологий промышленные и военные бюджеты оказываются раздуты в десятки раз, они расходуются на пустые встречные трансакции, не просто непроизводительные, но прямо

провоцирующие воровство.

России – как и всему миру – нужен не языческий идол денежных «кредитов» и «залогов», а современные институциональные технологии, арсенал инструментов капитализации активов. Не метафора «инвестиционного климата», а компетенция проектной инженерии.

Преобразующее инвестирование – опыт России

Как и в случае с любой новой технологией, «преобразующее инвестирование» – собирательная понятийная рамка, выставляемая задним числом для теоретических и практических разработок, которые на деле ведутся уже не одно десятилетие.

Продвинутые прототипы преобразующего инвестирования обнаруживаются при анализе опыта советского планового и программно-целевого управления. Они просматриваются в наработках рузвельтовского «Нового курса» и ряда других национальных программ, в успехах советских и американских оборонных и космических программ.

Выдающимися конструкторами нового подхода к инвестированию в западной экономике по факту стали Уоррен Баффет, Джордж Сорос, Майкл Милкен, Билл Гейтс, Майкл Делл.

Оригинальные проектные компетенции сформированы российскими предпринимателями, институтами развития, государственными органами за последние четверть века. Традиционная предприимчивость и незашоренность нового поколения наших управленцев сочетаются с высоким уровнем культуры и образования, унаследованным от советского периода. Но их опыт, не оконтуренный строгими концептуальными рамками, имеет неотчуждаемый, индивидуальный характер. Вне русла технологии, массовых инструментов и точных стандартов его невозможно передавать, осваивать, широко воспроизводить.

Научные исследования и прикладные разработки в сфере создания институциональных технологий и проектных стандартов преемственно ведутся в нашей стране свыше трёх десятилетий. Первый доклад по этой теме был представлен Андропову в конце 1983 г. В нём содержался тезис о необходимости разработки специальных программных средств управления комплексом отношений собственности в национальном масштабе, в частности – для управления стоимостью. Материалы этого и ряда последующих докладов опубликованы в 1989 г. в книге «После коммунизма»[10]. На Западе первая книга, где ставились вопросы управления стоимостью на уровне фирмы, появилась годом позднее[11]. Соответствующая практика обучения предпринимательских кадров, разработки проектных стандартов, формирования корпоративных систем отбора и сопровождения проектов насчитывает свыше пятнадцати лет[12].

Можно сразу назвать целый ряд социальных сфер современного российского общества, заключающих в себе колоссальный потенциал проектного освоения, который покуда высвобождается крайне медленно. Из-за институциональной сложности успешные результаты, достигаемые там практиками, имеют ручной, штучный и потому единичный характер. Речь идёт, в частности, об инфраструктурных проектах, о процессах ускоренной промышленной модернизации и реиндустриализации, о развёртывании, эксплуатации и сервисе современных комплексов вооружений, о решении проблем моногородов, о переоснащении сферы ЖКХ, о системах лекарственного обеспечения и медицинского страхования, о международных инновационных проектах, включающих офсетные сделки, и

[10] С.Платонов (псевдоним). «После коммунизма». М., Молодая гвардия, 1989 г.
[11] Коупленд, Коллер, Муррин. «Стоимость компаний: оценка и управление». 1990 г.
[12] http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Novyj-korporativnyj-universitet

ряде других. Все эти сферы объединены тем обстоятельством, что приход в каждую из них волны технологий институционального инжиниринга потенциально ведёт к стратегическому сдвигу. Причём, интегральный прорыв к новому технологическому укладу осуществим в ближайшем будущем.

Миссия России, обусловленная уникальностью её социокультурной энергетики – сформировать влиятельный международный центр преобразующего инвестирования. Прежде всего – инвестиций не в узко понимаемую «социалку», а в промышленные, инфраструктурные, инновационные проекты в стране и за её рубежами. Экспорту капиталов можно и нужно противопоставить экспорт институциональных технологий и компетенций. Преобразующее инвестирование может не столько закрепощать получателей инвестиций, сколько расширять и капитализировать их ресурсную и производственную базу, формировать новую социальную среду и образ жизни, включающий целые классы и кластеры современных «рабочих мест».

Независимость подразумевает высокотехнологичную силу. Чтобы сила прирастала, нужно не сберегать её, а щедро делиться ею. Союз с Россией должен делать союзников сильнее.

4. СТРАТЕГИЯ

Черная рука Гаврилы[13]

В информационном потоке по поводу столетия Великой войны всплыл сюжет: в местечке с говорящим именем Обляй восстанавливают жилище местного обывателя Гаврилы Принципа. Дом выстоял в череде глобальных катаклизмов века, но сгорел в братоубийственном конфликте сербов и хорватов, похоронившем Югославию. Что до обитателя – тот не затерялся среди несчётных миллионов убийц и убитых XX века.

Стреляя в эрцгерцога, Гаврило нажал на спусковой крючок первой мировой катастрофы – в саму возможность которой благополучные европейцы летом 1914-го отказывались верить. Ныне только ленивый блогер не отметился нравоучительным постом, перебрасывая мостик зловещей аналогии из тогдашней Сербии на нынешнюю Украину. И впрямь, боевик «Младой Босны» (за которой, говорят, стояла «Черная рука») смотрится по-свойски в пёстром ряду фигур и структур майдановцев и федералистов. Так ждать ли нового Сараева в Киеве или Донецке?

Исходный тезис этого раздела – об иерархии угроз национальной безопасности.

*Замедление роста российской экономики – куда б**о**льшая угроза безопасности страны, чем украинский кризис. Оно порождает и усиливает подобные кризисы не только на пространстве СНГ, но и на дальней периферии.*

*Тенденция замедления роста мирового хозяйства, в свою очередь, представляет гораздо б**о**льшую угрозу национальной и глобальной безопасности, чем стагнация в России, поскольку во многом её обусловливает.*

Мир в полушаге от того, чтобы быть опрокинутым в новую катастрофу роста. Борьба с этой угрозой составляет сердцевину политической повестки дня, для развитых держав – в основном осознанную.

Россия не участвует в этой повестке, составляя для неё лишь растущую головную боль.

[13] http://expert.ru/expert/2014/22/printsip-politika-i-tehnologiya-rosta/

Глобализация катастроф роста

Гора исторических разысканий о причинах Первой мировой не родила ничего кроме мышиной конспирологии. Обществоведам недоставало понятийных инструментов, чтобы охватить структурирующей мыслью события такого масштаба.

У исторических спазмов, соразмерных с «нашествием народов моря» или «великим переселением», есть то общее, что в их основе лежат *катастрофы роста*.

Вот грубая модель. Производительность этноса, страны или региона начинает отставать от роста спроса на средства пропитания и жизнеобеспечения. Тектоническое напряжение разрыва высвобождается случайной вспышкой насилия или природной аномалией. Мигрирующие массы «избыточного» населения приходят в движение, сметая всё на своём пути. Историческое кровопускание, во-первых, на время сбрасывает давление спроса до переносимого уровня. А во-вторых, ломает институциональные преграды на пути назревшей технологической революции. Новая волна технологий – залог грядущего роста производства.

Что нового внесла в эти циклы эпоха мировых войн? Катастрофа роста впервые оказалась глобальной. И до невольных глобалистов стало доходить: в таком всемирном качестве она должна стать не только первой, но и последней.

Но для этого предстояло поменять порядок вещей. Технологическая революция, которая традиционно следовала за социальным инсультом, должна предшествовать ему, предотвращать его.

О новой технологической волне, о достижениях институциональной инженерии речь шла выше. Теперь обратимся к стратегическому её измерению.

Дистанционное мальтузианство

Мальтузианские модели анализируют хозяйственные циклы «перенаселение – недопроизводство – недоедание». Но катастрофы роста чаще приходят к народам извне. Ленинградцы умирали голодной зимой 1941-42 года не оттого, что не выполнили продовольственную программу. Машину тевтонского нашествия на Европу запустили голод, гнёт и унижения 20-х, которым победители подвергли Германию. Ленин писал о Версальском договоре: «Это неслыханный, грабительский мир, который десятки миллионов людей, и в том числе самых цивилизованных, ставит в положение рабов».

Катастрофы роста распространяются от очага первоначального кризиса на огромные расстояния, как волны падающих костяшек домино. Полтысячелетия кочевой народ хунну подвергал Китай набегам с севера. Для защиты от степняков была воздвигнута Великая стена. Во втором веке от Р.Х. держава хунну распалась, и одна из ветвей народа двинулась на запад. Они прошли всю Сибирь и Среднюю Азию, по пути через территорию нынешней Украины сокрушили мощное королевство готов и вторглись в Европу. Волны катастрофических переселений, спровоцированные движением гуннов, охватили половину Евразии. Их вождь Атилла получил прозвание «Бич Божий». Орды мигрантов едва не докатились до Атлантики и были остановлены только в 451 году в битве на Каталаунских полях на территории современной Франции.

Лимесы сверхдержав

Попытки укрыться от катастроф роста за валами оборонительных сооружений

предпринимались тысячелетиями.

Великая китайская стена если и уникальна, то лишь размерами, но не конструкцией и не назначением. Римскую империю по периметру отгораживал от варварской периферии лимес – сплошная цепь оборонительных сооружений. Только один из её участков между Рейном и Дунаем имеет протяжённость 550 километров. По территории современной Украины вдоль границ лесостепной зоны и степей на тысячу вёрст тянутся «Змиевы валы» – остатки колоссальных оборонительных сооружений, служивших некогда преградой для конницы кочевников. Первые из них строили готы; последние к югу от Киева возводились во времена Владимира Святославича.

Но ни одна из стен в конечном итоге не устояла перед волнами социальных цунами. Змиевы валы не спасли Киевскую Русь от войск Чингисхана, перенявших у китайцев технологию штурма фортификационных сооружений.

Вот главный урок эпохи мировых войн, усвоенный державами-победительницами: мир стал глобальным, в нём более невозможно обеспечить локальную безопасность, преследуя локальные интересы.

Для США это означало не столько конец изоляционизма, сколько его продолжение иными, глобальными средствами. Не отгораживаться валами и стенами от враждебной периферии, а вовлекать её в периметр и под защиту собственной раздвигающейся стены союзов и партнёрств. Не жалеть средств на решение проблем третьего мира, преодоление и профилактику кризисов – тем самым вкладываясь в инфраструктуру собственной безопасности.

Радикальная смена принципов американской системы безопасности отчётливо видна, если сопоставить положение побежденной Германии после двух мировых войн.

Состояние Германии в 1945 году было неизмеримо хуже, чем в 1918. Достаточно вспомнить, что большинство крупных немецких городов союзники сравняли с землёй ковровыми бомбардировками, которые эффективностью мало отличались от атомных.

Через 15 лет после компьенской капитуляции в полунищей озлобленной Германии к власти пришли нацисты.

Через 15 лет после разгрома 1945 года Германия вошла в число наиболее развитых и благополучных стран Запада – во многом благодаря американскому «плану Маршала».

Америка, вступившая во вторую мировую, едва оправившись от Великой депрессии, развернула на остывающих полях сражений колоссальную программу восстановления национальных хозяйств – как победителей, так и побеждённых. Отстраивалась система органов и организаций международной помощи. Глубокой реконструкции подверглась колониальная система.

Великая американская стена

Обществоведы будущего проанализируют идеологические, конспирологические, моральные стороны Pax Americana. Но многое можно понять уже сейчас, если принять во внимание, что советская система безопасности строилась симметрично.

Внешний «лимес» СССР как сверхдержавы образовывала периферия опекаемых режимов в Азии (Вьетнам, Лаос, Сирия), Африке (Египет, Ангола, Мозамбик) и Латинской Америке (Куба, Никарагуа). Всего Советский Союз имел договорные отношения с семью десятками стран Третьего мира – строил там промышленные объекты, поставлял оружие, готовил специалистов, давал льготные кредиты. Ближний, союзнический круг образовывали страны социалистического содружества, лояльность которых крепилась ещё более плотным потоком ресурсов и совместных проектов. Наконец, внутри страны союзные республики имели заметный приоритет в бюджетах хозяйственного и культурного развития – на фоне обнищалого нечерноземья. Это был третий, внутренний круг системы российской безопасности, призванный в зародыше гасить проблемы и конфликты с

ядовитым националистическим привкусом.

Внешние лимесы сверхдержав соприкасались по всему миру (за вычетом стран «Неприсоединения», достаточно сильных, чтобы лавировать в сужающейся нейтральной зоне). Основные конфликты, вплоть до прямого столкновения систем вооружений (но не армий), разворачивались во внешнем круге. Во внутренних также шла отчаянная борьба: в развитых странах запада действовали компартии, получавшие долю бюджета КПСС, в соцсодружестве диссидентские движения щедро подпитывались извне. Но прямое военное вмешательство в чужом внутреннем лимесе негласно признавалось неприемлемым. Советские карательные операции в Венгрии и Чехословакии встретили бешеный идеологический отпор, но остались без прямого военного ответа.

Биполярная система, при всех издержках, помогала выработке глобального подхода к проблемам безопасности. Оба лагеря осознали: стоит упустить из виду любой кризис в периферийной стране – там мигом обнаружатся сперва раздуватели пожара, а за ними и щедрые пожарники противоборствующей стороны. Зоны национальных интересов постепенно эволюционировали в сферы антикризисной ответственности.

Капитализировать кризис

Обвал мировой системы безопасности грянул с распадом советской системы. На месте матёрой, склеротичной, но ответственной геронтократии оказалось дитя-РФ с представлениями о системе международных отношений на уровне журнала «Весёлые картинки». Все три советских контура безопасности, предоставленные самим себе, покрылись трещинами и пятнами локальной нестабильности. Встречное, «подхватывающее» расширение евроатлантической зоны ответственности, естественно, преследовало корыстные интересы (куда ж без них), но было во многом вынужденным, запоздалым и неэффективным. Справиться с развалом таких масштабов Западу оказалось не под силу.

Тем паче фундаментальной первопричиной было замедление роста, пересменка базового типа технологий в глобальном мирохозяйстве. Предпринимались первые попытки перевести систему международной помощи с бюджетной основы на инвестиционную. В обыденном сознании они породили расхожие мифологемы «американского госдолга» и «печатания долларов».

Преобразующее инвестирование – в авангарде поиска нового ответа на мировой кризис безопасности. Идея и идеология преобразующего инвестирования – массовое вовлечение частных, корпоративных, институциональных инвестиций в дефицитный бюджет предотвращения катастрофы роста.

Технология преобразующего инвестирования – попытка радикально расширить экосистему инвестиционных проектов. Это экспансия проектного подхода из ниши бизнеса в самые различные социальные сферы. Называя вещи точнее – движение к *прямой капитализации стратегий и политик безопасности*.

Монетизировать всё более сложные социальные ценности, воплощаемые в проектах. Зарабатывать на преодолении чужих кризисов. Зарабатывать на чужом росте больше тех, кто вырос. Укрепляя всеобщую безопасность, зарабатывать на этом больше всех.

Пока эти технологии достаточно примитивны, пригодны для узкого (но расширяющегося) класса проектных идей. Речь об отборе большой массы вчерне проработанных проектов, о получении под них максимально возможного уровня госгарантий, о рекрутировании и подготовке на местах «социальных предпринимателей». Речь также об экспорте стандартных пакетов локального законодательства для стран, готовых принимать поток «преобразующего инвестирования».

Инвестировать компетенции

Рамка «Преобразующего инвестирования» даёт России возможности вернуться в глобальную систему в достойной роли. Фактически *Запад инвестирует в разрешение локальных конфликтов не деньги, а компетенции: стандарты и технологии реализации инвестиционных проектов*. В новой парадигме инвестировать можно и должно не только финансовые компетенции, но и промышленные, энергетические, транспортные, инженерные, правовые, социокультурные, политические и т.п. Например, строить электростанции не на кредитной основе, а на инвестиционной: сама станция возводится как бы «в дар», то есть на средства, привлекаемые субъектом проекта. А затем она становится ядром кластера, особой зоны или отрасли, создающих благоприятные условия не только для приоритетного возврата инвестиций, но и получения части доходов всеми участниками.

Такой подход соответствует идеологеме «blended values» (капитализируемых ценностей). Речь идёт о широком классе технологий и стандартов развивающейся институциональной инженерии, простейшим представителем которой является преобразующее инвестирование.

Россия может послать сигнал мировому сообществу, что готова вернуться к роли ответственного участника глобальной системы безопасности. И в этом качестве – иметь зону ответственности, сообразную масштабу и значению одной из крупнейших держав, учитывающую исторические и социокультурные реалии. В этой зоне она будет гарантировать обеспечение бескризисного развития в соответствии с международными нормами. Преследуя при этом собственные – глобально понятые – интересы. Мировое сообщество Преобразующего инвестирования открывает готовый канал для такого возвращения.

Остров Верхняя Вольта

Засада в другом. МИД и прочие государственные структуры не приспособлены для подобного сорта переговоров и трансформаций. Едва ли не главная из постсоветских потерь – разрушение мощной и сложно организованной системы негосударственных каналов взаимодействия с Западом и Третьим миром на уровне элит, гражданского общества и общественного мнения. Речь о структурах типа ССОД (Союз советских обществ дружбы), АПН, Советского комитета защиты мира, комитетов солидарности со странами Азии, Африки, Латинской Америки, Комитета молодёжных организаций СССР и т.п. Их назначение было неведомо младенцу новой власти, который их разломал, растерял или выбросил.

Даже в странах, которым советская картина мира была враждебна – эта картина была широко известна не только на уровне политических элит и обширных сообществ «советологов». С ней можно было спорить, бороться, мириться, уживаться – но было с чем.

Новая Россия преисполнилась решимости вернуться на единый магистральный путь цивилизации. Какая ещё идентичность? «У Папуа – Новой Гвинеи особенная стать». Ну, разве что мы обидное прозвище Верхней Вольты с ракетами разменяем по выгодному курсу на Бенилюкс с Достоевским. Робкую попытку одной из властных групп протестировать конструкты типа «суверенной демократии» свои же встретили шиканьем и одергиваниями.

Нынешняя российская картина мира, наверное, существует – но неведома никому, включая нас самих. Будучи ситуативно проявлена в ходе украинского конфликта, она вызвала зарубежное непонимание, негодование и отторжение. Из иллюзии духовного

единства с Западом мы разом вывалились в противоположную крайность зоологической враждебности. При этом все каналы неформального диалога (помимо разве что многострадального «Россотрудничества») перекопаны своею собственной рукой. Из полуострова в остров мы превратили не только Крым, но и всю Россию.

Один из путей скорейшего налаживания диалога – активное участие отечественных проектных инвесторов в деятельности структур типа Global Impact Investing Network. Другой – формирование негосударственного совета по преобразующему инвестированию в формате национальных советов, предложенном Рабочей группой G8 ещё в тот период, когда это касалось и России.

Принцип и сукины дети

Дивный новый мир вломился в двери. Границы зон ответственности держав больше не определяются военной, политической и/или экономической «мощью». Сама эта мощь теперь производна от совершенства институциональных технологий и стандартов управления проектами, от компетенции и численности владеющего ими кадрового корпуса страны. В третий раз за столетие гонка технологий – на сей раз экономических – становится решающим фактором развития и соревнования держав. И на этот раз – надолго.

Необходимы адекватные вложения национальных ресурсов в разработку институциональных технологий управления проектами. Тем паче, в отличие от затратных технологий предыдущих генераций, новые принесут куда более быструю стратегическую, политическую и экономическую отдачу.

Кубинский кризис 62-го, когда Хрущёв без политеса вломился во внутренний круг безопасности США, поставил мир на грань последней мировой.

Едва ли сегодняшняя Америка рвётся понатыкать ракет под Киевом, едва ли Евросоюз страждет навесить на шею ещё 45 миллионов безработных. Но у России было два десятилетия на то, чтобы сообща обезвредить арсенал социальных проблем соседнего беловежского обломка, цивилизованно интегрировать его в международно-признанную систему безопасности. И что теперь прикажете делать соседям, когда из рванувшего вулкана попёрла социальная лава? Ждать, пока оттуда повалят миллионы мигрантов, повылезут сотни тысяч наёмников и тысячи террористов?

Есть сходство между трагическими фигурами Батисты и Януковича.

Франклину Рузвельту приписывают фразу, сказанную в адрес одного из марионеточных диктаторов: «Он может быть и сукин сын, но это наш сукин сын».

Но если это ваш сукин сын, будьте добры держать его в рамках. А не можете – так будьте готовы выносить за ним социальные экскременты. Любой сукин сын сколько-нибудь заметного масштаба, будучи оставлен без присмотра, из локальной занозы превращается в глобальный волдырь. Если же это сукин сын с принципами – на сцене не замедлит появиться клон неистребимого Гаврилы.

Политика безопасности уже немыслима без принципов глобального антикризисного консенсуса и взаимного признания зон ответственности. Принципы иного рода, закономерности функционирования общественных институтов лежат в основе социальной инженерии, образуют фундамент технологии роста. Там, где волюнтаристы всех властей и мастей пытаются откосить от первых и вторых – грядёт Гаврила Принцип.

5. ЭКОНОМИКА

Президент ищет инструмент[14]

«Человек – это животное, изготавливающее инструменты».

Формулу отчеканил Бенджамин Франклин, общественный деятель, учёный и публицист, один из отцов-основателей США. Его портрет украшает стодолларовую купюру – самый мощный и универсальный инструмент в истории, как полагают многие. Популяция гоминидов, научившаяся изготавливать такие инструменты, недаром претендует на глобальное лидерство.

Новейший кризис, как и всякий иной, обладает политическим, моральным, эсхатологическим, конспирологическим и иными измерениями. Но Франклин зрел в корень: каждая эпоха рождается под аккомпанемент ударов нового инструмента; каждый инструмент, изнашиваясь, уносит с собой эпоху.

Строго говоря, в иерархии орудий человеческой деятельности деньги главенствовали в форме капитала – всесильного инструмента, прирастающего в процессе использования. Капитал произвёл на свет чудо современной цивилизации. Но за чудеса приходится дорого платить.

На протяжении XIX века рынки капитала жестоко страдали от чумы циклических кризисов. На рубеже столетий, сплавляясь в тигле глобального хозяйства, они ввергли человечество в пучину мировых войн, революций и депрессий.

Из этой лаборатории Фауста вылупилась на свет стратегическая гонка вооружений, а с ней инструменты принципиально нового типа, управленческая технология преодоления рубежей истории – *проект*.

На шкале совершенства инструментов капитал мощнее денег, но проект влиятельнее капитала. Капитал создаёт деньги посредством залогового кредитования – а проект высвобождает заблокированный капитал по каналу «проектного финансирования» (Project Finance). Проект в этой формуле первичен по отношению к финансам.

Путин интуитивно угадывает потенциал новых инструментов.

> «Вот мы говорили об определённых целях и, когда формулировали эти цели в середине 2012 года, говорили тогда, что эти цели могут быть достигнуты при определённых темпах роста российской экономики. Сейчас мы видим, что эти темпы не соответствуют тем показателям, на которые мы рассчитывали. Значит ли это, что мы должны отменять эти стратегические цели? Нет, конечно. Цели мы оставляем в неизменном виде, но должны будем искать такие инструменты, которые позволили бы нам их достигнуть.
>
> Проекты в промышленности и сельском хозяйстве получат доступ к кредитным ресурсам по низкой процентной ставке через инструменты проектного финансирования. Оно может быть вполне использовано в качестве такого долгосрочного инструмента. Вопрос – в этих проектах, которые были бы интересны, перспективны и эффективны»[15].

Учиться проектному делу настоящим образом

Страна испытывает острейший дефицит конкретных инструментов и технологий управления производительностью и экономическим ростом. Этот дефицит уже осознаётся как политическая проблема.

В российских дискуссиях о кризисе и реформах строгое понятие инструментов и технологий обычно подменяют мантры «улучшения инвестиционного климата», «разбюрократчивания экономики», «развития инфраструктуры», «ослабления давления на малый бизнес» и т.п., имеющие туманный смысл и косвенный, непрогнозируемый эффект.

Совершенно особое место в этом списке заняло *проектное финансирование*. Не

---

[14] http://expert.ru/expert/2015/15/uchitsya-proektnomu-delu-nastoyaschim-obrazom/

[15] http://www.kremlin.ru/transcripts/46713

случайно первое лицо настойчиво добивается его внедрения в хозяйственную практику. Принято правительственное постановление, учреждена межведомственная комиссия, отобраны уполномоченные банки, рассматриваются первые проекты – казалось бы, дела пошли. Но это лишь кажимость.

В практике проектного финансирования (Project Finance) – в том виде, как она складывалась на Западе с начала 70-х – ключевую роль играет разработка самого инвестиционного проекта. Причина в том, что финансовый поток, генерируемый в результате реализации проекта, служит единственным источником возмещения затрат и получения доходов для всех участников. Поэтому подготовка, согласование и доработка проекта может занимать от нескольких месяцев до нескольких лет, а соответствующие издержки – составлять существенную долю в полной стоимости его реализации. При этом используются вполне определённые методы и стандарты разработки – в частности, специализированные методики оценки финансовых потоков, а также модели анализа рисков.

Но в том устройстве отечественного механизма проектного финансирования, которое было озвучено Улюкаевым на встрече членов правительства с Путиным 4 февраля 2015 г., ни проектные стандарты, ни методы не фигурируют. Из рабочего арсенала Project Finance, похоже, заимствовали только фантик перебрасывания и размазывания рисков между различными участниками проектов. Сам отбор, анализ и доработка инвестиционных проектов возложены на десятку избранных уполномоченных банков, у которых нет и по определению не может быть адекватных инструментов и компетенций, поскольку это кредитные учреждения. Ни в функциях Межведомственной комиссии, ни в той служебной роли, которая отводится ВЭБу – нигде не просматриваются нормативы и стандарты разработки самих проектов. Результат не особо отличается от ветхой практики кредитного финансирования.

Ещё забавнее выглядит эксклюзивный характер «икры заморской, баклажанной», фактически приданный стандартному финансовому инструменту. Как если бы историческим указом Ельцина о свободе торговли на рынок допускались только десятеро купцов-счастливцев, поштучно уполномоченных правительственной комиссией, которая сверх того утверждала бы каждый акт купли-продажи.

Надеждам руководства на новый инструмент экономической политики в его текущей редакции не суждено сбыться.

За последние тридцать лет было немало разговоров о необходимости реформ: рыночных, структурных, инновационных, наконец – политических. Однако всем им должна предшествовать *управленческая реформа*, массовое освоение современных инструментов и технологий разработки и реализации проектов.

Запоздалые пророки

Тем временем само проектное финансирование на Западе столкнулось с принципиальными внутренними ограничениями и вошло в полосу реформ.

Модели перераспределения рисков могут быть эффективными при трёх важных условиях. Во-первых, в отношении проектов со сравнительно короткими цепочками добавленной стоимости и малым числом поставщиков промежуточных продуктов и услуг. Во-вторых, при возможности манипулировать большим массивом разнородных проектов. И в-третьих, пока в целом на рынке наряду с депрессивными и стагнирующими сегментами имеется и достаточный объём растущих.

Глобальное замедление роста подрывает третье условие. Системный кризис, начавшийся в 2007 году, среди прочего стал кризисом моделей и инструментов секьюритизации. Риски недостаточно прогнозировать и перетасовывать – пришло время их действительно снижать.

В статье о глобальных системных кризисах («Ведомости» от 19.01.2015) Владимир Мау и Алексей Улюкаев предрекают «формирование новой модели экономического роста», «появление новых инструментов экономической политики», и более того, «смену господствующей экономической парадигмы», «формирование новой экономической доктрины, нового мейнстрима в науке», говорят про «масштабный интеллектуальный вызов, требующий глубокого осмысления», «интеллектуального прорыва».

Это пророчество тем более актуально, что оно уже сбылось.

Новые инструменты экономической политики полным ходом разрабатываются с 2008 года в русле «преобразующего инвестирования».

Новую экономическую доктрину давно проповедует международный гуру Майкл Портер (в РФ к нему намертво приклеилось реноме автора тридцатилетней давности работ о конкурентоспособности). В программной статье «Creating Shared Value» он возвестил новую эру:

> «Парадигма Shared Value – не то же самое, что социальная ответственность, благотворительность и даже устойчивое развитие. Её место в самом центре стратегии. Мы убеждены, что концепция Shared Value приведет к перевороту в деловом мировоззрении.
>
> Возможность получать прибыль, помогая обществу решать его проблемы, станет одним из самых мощных факторов роста мировой экономики. Во главу угла ставятся важнейшие, еще не удовлетворенные потребности человечества, не освоенные крупные рынки, издержки бизнеса как результат нерешенных социальных проблем...
>
> Нам нужен более совершенный капитализм – капитализм, движимый идеей служения обществу. Но это служение должно быть основано не на благотворительности, а на глубоком понимании механизмов конкуренции и создания стоимости».

Чудо о котельной

Это только кажется пропагандой на наш взгляд, ленивый и нелюбопытный. В основе идеи Shared Value – практический шаг, гениальный в своей простоте.

Некоторые собственники товаров и услуг, востребованных в проекте, столкнувшись с кризисным замедлением или остановкой продаж, решаются пойти не назад, а вперёд: *инвестировать* их на тех же основаниях, что инвестор в узком смысле слова – тот, кто обеспечивает финансы без залога. То есть предоставить к своим активам доступ (access) как бы «бесплатно» – в обмен на взаимный доступ к другим проектным активам, а в конечном счёте – на долю в новой собственности, создаваемой в проекте.

Для многих предпринимателей, в том числе и российских, *взаимообмен доступами к активам* – уже не теория, а повседневная практика.

На совместных мероприятиях Рабочей группы по преобразующему инвестированию с ТПП РФ и Аналитическим центром при Правительстве представлены на профессиональный суд упрощённые кейсы реальных проектов, осуществляемых в сфере ЖКХ[16]. К примеру, собственник завода «Сигнал», производящего блочно-модульные котельные, вместо продажи начинает поставлять их в качестве инвестиции – в обмен на долю в проекте. Благодаря деятельности команды, управляющей проектом, аналогичные шаги решаются предпринять и другие поставщики, переходящие на позиции собственников-соинвесторов проекта. В результате объём востребованного финансирования оказывается возможным снизить впятеро[17].

---

[16] http://www.youtube.com/watch?v=xTLBxuwmdpY

[17] http://www.tpprf.ru/ru/interaction/committee/kinvest/meetings/preobrazuyushchee-investirovanie-novaya-volna-proektnogo-finansirovaniya/

Институциональные истины

Новый класс технологий управления проектами, новую форму хозяйственной деятельности естественно назвать *проектным соинвестированием (Shared Investing)*.

В полном соответствии с предвидениями Рональда Коуза и Фрэнка Найта добавленная стоимость создаётся за счёт того, что агенты рынка, войдя в контур предпринимательского проекта, снимают трансакционные издержки отношений обмена между собой, избавляясь при этом от сопутствующих рисков и неопределённостей.

В разделённом и специализированном мире нового времени частные ценности оторваны друг от друга. Я нуждаюсь в том, что вы можете создавать – но вам безразлично то, что я люблю и умею делать. Универсальные инструменты Франклина тут как тут, они уравновешивают отчуждённые фрагменты спроса и предложения, выстраивая их в цепочки. Правда, менялы небескорыстны. Хуже другое: временами они неуправляемы. В кризисной ситуации, когда спрос перестаёт быть платежеспособным, *стоимости отрываются от ценностей*.

Но ведь общество при любых обстоятельствах должно кормить всех, включая безработных, согревать жителей на всех широтах, учить и лечить детей и стариков, осваивать новые природные ресурсы, содержать учёных и поощрять художников. Только раньше для этих нужд государство распечатывало бюджетную кубышку, утяжеляло подати, распродавало недра по дешёвке, учреждало казённые заведения.

Теперь на помощь идут новые предприниматели, конструкторы проектных машин, эффективно конвертирующих энергию социальных ценностей в добавленную стоимость. Надстраиваясь над этажами материально-энергетических (hard) и информационных (soft) технологий, инструменты и технологии управления стоимостью (intangible) замыкают систему социальных компетенций. Это и есть *проектное соинвестирование*.

Удивительный новый мир вырастает буквально на глазах. Поднимите нам веки!

6. МЕТОД

Внутренний долг России[18]

Страна угодила в финансовый тупик.

На повестке дня – восстановление и качественное обновление основных производственных фондов и объектов инфраструктуры, причём безотлагательное. Объём необходимого финансирования сопоставим скорее не с государственным бюджетом, а со всем валовым национальным продуктом.

Проблема нарастала давно. Политический кризис 2014 года лишь довёл её до логического предела. Затруднив импорт продуктов и услуг, он параллельно блокировал закупки зарубежного оборудования для модернизации отечественных производств. Притом западные источники финансирования тоже оказались отрезаны.

Первая сторона проблемы наглядно проявляется в сфере ЖКХ. Основные фонды изношены сверх всяких норм, но их остановка невозможна по социальным причинам. На первый план выходит даже не проблема аварийности, а рост сверхнормативных потерь энергии. В результате отрасль фактически стала планово-убыточной, обременена долгами

[18] Из Письма участникам Рабочей группы по преобразующему инвестированию: http://expert.ru/2015/05/15/proektnoe-sofinansirovanie/

и неплатежами, требует растущих дотаций из бюджета, и без того перегруженного. По экспертной оценке, озвученной Президентом на заседании Госсовета, только в первичное восстановление выбывающих основных фондов ЖКХ требовалось вложить от 9 триллионов рублей. Несмотря на призывы политиков и усилия законодателей, частные деньги сюда по-прежнему не идут.

Другая сторона проблемы скрыта за лозунгом «импортозамещения». Она затрагивает основные сферы машиностроения, например – литейные производства. Литые детали обычно являются базовыми, силовыми, высоконагруженными, образуя саму основу машин, наиболее ответственных агрегатов и узлов. На их долю приходится от 30 до 50% массы автомобилей, подвижного состава, самолётов, ракет. Совершенство, ресурс и экономичность военной и гражданской техники критически зависимы от эксплуатационных свойств, точности, тонкостенности, надежности литых деталей. В последней четверти XX века произошло переоснащение ведущих мировых литейных производств автоматизированным оборудованием второго поколения, что обеспечило существенное повышение эксплуатационных свойств и точности отливок. Однако основные литейные производства РФ по сей день оснащены устаревшим советским оборудованием, нарастает их деградация. Инвесторы в отрасль не идут. Вместо этого готовое литьё ввозилось из-за рубежа; доля импорта отливок в некоторых сферах доходит уже до 50 %. Но на стратегическую ракету не поставишь южнокорейский дренажный клапан. Налицо прямая угроза национальной безопасности.

В большинстве отраслей машиностроения положение аналогично.

В стране невыученных уроков

Корень проблемы – в архаической финансовой системе, которая должна подвергнуться радикальной модернизации в первую очередь.

Современные экономические инструменты и технологии, адекватные задачам поддержания, обновления и создания крупномасштабных производственных комплексов, стали формироваться в период гонки вооружений. В начале 60-х в Министерстве обороны США были разработаны и введены в оборот управленческие технологии типа PPBS (Planning, Programming and Budgeting System), получившие позднее повсеместное распространение. Проектное финансирование (Project Finance) о котором у нас заговорили в последнее время, в 70-е годы стало во многом результатом их «конверсии» в гражданской сфере, в частности – для задач типа освоения нефтяных месторождений Северного моря.

Решающий импульс дальнейшему развитию экономических (стоимостных) технологий дал кризис 2007-08 года, который привёл к краху крупнейших западных инвестбанков и пересмотру оснований проектного финансирования. Новая волна технологий преобразующего инвестирования развивается широким фронтом. Активным её пропагандистом под лозунгом Shared Value выступает Майкл Портер.

Российские реформаторы в 90-е по неведению ограничились локализацией примитивных форм потребительского рынка. Современные экономические инструменты и технологии, отвечающие переходу к постиндустриальной промышленной и социальной политике, в основном остались у нас неизвестными либо непонятными. Бессилие невооружённой невидимой руки пытались компенсировать режимом «ручного управления». В результате практически все сферы реальной экономики за исключением потребительской торговли и добычи топлива на четверть века оказались за бортом осмысленных реформ, вне сферы сознательного общественного конструирования.

Сегодня большинство производственных фондов страны, обеспечивающих её выживание, обветшало, требует безотлагательной модернизации. Но эта задача по старинке понимается как затратная, а в качестве единственного источника покрытия затрат рассматривается бюджет.

Парадокс в том, что страна всё ещё располагает ресурсным потенциалом, пригодным не только для всеобъемлющей модернизации, но и для энергичного продвижения к стратегическим рубежам. Общество напоминает атлета с мозгами неуча и ментальностью инвалида.

Проектное соинвестирование: ключ к возобновлению роста

В парадигме ***проектного соинвестирования*** (shared investing) собственники активов, востребованных в проекте, вместо того, чтобы торговать ими друг с другом, поэтапно переходят к отношениям *взаимного доступа к пользованию* (access) этими активами. При этом высвобождается значительная часть кредитных (или бюджетных) денег, в бизнес-логике расходовавшихся на внутрипроектные трансакции обмена, ненужные с точки зрения конечного результата. Это и есть практическая реализация основной идеи институционализма, сформулированной Рональдом Коузом ещё в 1930-е годы: предпринимательская фирма существует благодаря тому, что трансакционные издержки внутри неё ниже рыночных. С середины прошлого столетия практика и теория управления проектами, каждая по своему пути, двинулись в направлении реализации этого тезиса. И сегодня мы наблюдаем их смычку в феномене экспансии институциональной инженерии из сферы материальных (hard) и информационных (soft) технологий в новую область стоимостных (intangible).

Проектное финансирование – первый практический шаг в этом направлении. Управляющий проектом и банк переходят от отношений рыночного обмена (в данном случае – кредитования) к отношениям взаимного доступа к активам в процессе совместного создания добавленной стоимости. Поэтапное вхождение в контур проекта поставщиков и потребителей других продуктов и услуг в качестве соинвесторов, как показывает практика, способно в разы снизить потребность в финансировании, сократить сроки реализации проекта и риски его участников.

Если Россия и впрямь намерена догнать развитые страны, то платформы проектного соинвестирования – вот ключевая сфера технологической гонки, в которой нам придётся их перегонять.

Перед нами не просто новое поле деятельности, а новая экономическая эпоха, со вхождением в которую страна запаздывает на десятилетия. Нас ждёт тяжёлая работа. Понадобятся совместные усилия управленцев, финансистов, юристов, политиков, разработчиков IT, предстоят и научные споры, и общественные дискуссии. Но лучший способ продвинуться вперёд – засучив рукава, разбираться самим и показывать другим, как это делается здесь и сейчас. Не «тренироваться на кошках» учебных кейсов, а овладевать новым инструментарием в процессе решения назревших проблем на региональном, корпоративном, отраслевом уровне.

7. СОБСТВЕННОСТЬ

Как мелки с жизнью наши споры,
Как крупно то, что против нас.
Рильке

Советский долг России[19]

Тусклая дискуссия о способах таргетирования – как перебранка осветителей за пустующей сценой.

Как бы ни расходились мнения по поводу проблем российского хозяйства – все сходятся на том, что нужны «длинные деньги». Экономика обременена массой не просто неэффективных, а убыточных производственных фондов всех видов собственности. В тёплых источниках над магистральными и разводящими сетями Твери, где потери превышают 40%, лягушки не бедствуют в лютые морозы – и тропики за казённый счёт ежегодно пролонгируются умелыми руками. Предприятия, что генерируют убытки, по логике бизнеса следовало бы давно остановить. Но это невозможно по социальным причинам: устаревшие объекты ЖКХ, как могут, обеспечивают тепло, воду и свет, военные заводы – выполняют оборонный заказ, предприятия моногородов – трудоустраивают население, железные дороги – гарантируют мобильность. Все эти центры финансового ущерба висят на капельнице государственных субсидий. Однако для модернизации средств бюджета недостаточно.

Тем временем дотационными уже стали целые регионы и отрасли. Особая планово-убыточная зона расползается по экономической карте страны как ржавчина. С падением спроса на экспортируемое сырьё ситуация развивается в сторону безнадёжной. А сверх того добавились ещё и санкции.

Стратегический недуг одряхлевших фондов унаследован от советских времён. Но с тех пор он лишь усугублялся. «Плановые» способы его лечения не помогли. Как выяснилось, «рыночные» тоже оказались бессильны. Природные ресурсы и производственные фонды, унаследованные страной, не работают в качестве капитала. Они имеют сверхнизкую капитализацию даже по меркам третьего мира.

В экономике быстро растёт объём внутренних и внешних долгов – следствие множества неудачных или незавершённых проектов модернизации производственных фондов. Эти долги перед банками, естественными монополиями, госбюджетом лишь отчасти объяснимы управленческой неэффективностью или злоупотреблениями менеджмента и собственников, дефектами и сбоями финансового механизма страны. Здесь мы сталкиваемся с конкретным воплощением трансакционных издержек устаревшей кредитно-денежной системы, тормозящей не только российскую, но и глобальную экономику.

Выход из тупика требует осмысленного шага общества и государства, повсеместного перехода на иные, современные инструменты и технологии создания добавленной стоимости.

Конец кредитной эпохи

Машина классического рынка закономерно буксует при создании, модернизации и ремонте крупных производственных фондов. Капитальные затраты на старте велики, их возврат начинается через годы, что усугубляет и без того значительные издержки, риски и неопределённости. Собственных средств у инициаторов обычно не хватает, а бремя обслуживания большого и долгого кредита выводит большинство проектов за грань окупаемости. Тем более теперь, когда ресурсов в самой банковской системе недостаточно, а их приток из-за рубежа ограничен. Проблема не только и не столько в механизмах денежной эмиссии, вокруг которых петляет злободневная дискуссия. Главным источником издержек служит сам устаревающий институт банковского кредитования.

Современные инструменты и технологии финансового инжиниринга полвека назад зарождались в оболочке методологии проектного финансирования (Project Finance), – той,

[19] Частично опубликовано: http://expert.ru/2015/11/6/tezisyi-o-sobstvennosti/

что входит у нас в запоздалую моду. Тем временем на Западе кризис 2007 года вскрыл её прорехи и дефекты. В ответ был дан массовый старт разработкам нового поколения экономических инструментов и технологий Impact (Social, Positive, Responsible, Sustainable etc) Investing под идеологическим знаменем Shared Value. В марте 2015 года в докладе Morgan Stanley объём американских инвестиций с использованием подобных инструментов оценён в семь триллионов долларов – это шестая часть совокупного финансового потока. На глазах формируется завтрашний инвестиционный мейнстрим.

Новые экономические технологии позволяют радикально (в разы) сжать объём бюджета проекта, приходящийся на единицу мощности модернизируемых либо вновь вводимых производств. Это становится возможным за счёт поэтапного снятия трансакций товарно-денежного обмена между продавцами и покупателями продуктов и услуг, необходимых в проекте. Включаясь в состав собственников будущего предприятия, они переходят к отношениям прямого взаимного доступа к активам, приобретая в той или иной форме доли во вновь создаваемой собственности. Практически реализуется ключевая идея институционализма о поэтапном снятии внутри предпринимательского проекта трансакционных издержек рынка – та, что сформулирована нобелевским лауреатом Р. Коузом ещё в 1930-е. Собственники в проекте инвестируют свои материальные активы в их непосредственной форме, минуя издержки монетарной и банковской систем.

Конечно, на практике проектное соинвестирование как массовая профессиональная технология осуществимо только с использованием инструментов многостороннего клиринга – машины точного учёта стоимости вклада каждого из проектных соинвесторов и мониторинга динамики размера долей во вновь создаваемой собственности.

Загадка российского капитала

Корни наших проблем, однако, уходят куда глубже устаревшей финансово-кредитной машинерии. Структура российской собственности, порождённая разгосударствлением 80-х, шоковыми реформами и приватизацией 90-х, имеет во многом внелегитимный, а часто и криминальный характер. Преобладающая масса производственных фондов пребывает в связанном состоянии, препятствующем соинвестированию бизнес-единиц в качестве активов. Помимо трансакционных издержек классического рынка существуют колоссальные теневые затраты и риски цепочек перемещения добавленной стоимости от номинальных (титульных) собственников к реальным бенефициарам, её защиты, а затем реинвестирования. Россия – мировой рекордсмен по объёму трансграничных теневых финансовых потоков. Причём, как показано в докладе Global Financial Integrity[20], импорт контрабандного капитала чуть ли не двукратно превышает его утечку.

Полтора десятилетия назад в знаменитой книге де Сото «Загадка капитала» были подытожены многолетние исследования институтов собственности в третьем мире. Там показано, что совокупная стоимость имущества, которым располагают бедняки в странах типа Перу, Филиппин, Египта, кратно превышает их ВВП. Однако внелегитимный статус не позволяет вовлечь его в экономический оборот и капитализировать. Теневой характер отношений собственности обусловлен, среди прочего, и конкретными социально-историческими обстоятельствами. Но главное – он вызван не только и не столько тем, что население уклоняется от налогов, сколько издержками легитимации, что превышают затраты на поддержание собственности в рамках неформальных институтов. Де Сото показывает, как в США и Великобритании правовая система, вместо того чтобы стричь всех под одну гребёнку, эволюционно отстраивалась свыше полутора веков с целью максимальной адаптации и учёта сложившихся неформальных институтов собственности, их территориальной, отраслевой и социальной специфики. Рецепт, который автор

[20] http://www.gfintegrity.org/report/illicit-financial-flows-from-developing-countries-2004-2013/

предлагает странам третьего мира и бывшего социалистического лагеря – сознательные структурно-институциональные реформы: максимально возможная легитимация неформальных локальных систем собственности с целью их скорейшей капитализации, эффективного вовлечения всех активов в экономический оборот.

Однако существует принципиальная разница между активами населения бидонвилей и огромным массивом советских производственных фондов, спешно приватизированных в 90-е. Латентная собственность постсоциалистических стран, недоступная для исследований группы де Сото, имеет куда более сложную структуру, а главное – обладает колоссальным потенциалом капитализации. Грубая оценка по показателю объёма ВВП, отнесённого к единице территории, показывает, что только экстенсивная фаза подъема капитализации природных и социальных ресурсов РФ до среднего по земному шару («перуанского») уровня может обеспечить прирост мирового ВВП на 20%.

Неподнятая целина

Российская собственность не работает – ни как «производительная сила» (согласно классической формуле), ни как могучая машина социальной мотивации. Это обстоятельство куда важнее, чем её несправедливость или нелегитимность сами по себе.

Российская собственность – всех видов и уровней – для начала безотлагательно нуждается в программе подъёма её капитализации. Программе, соразмерной по своему духу и размаху освоению Сибири или Дикого Запада. Здесь в полной мере будет востребован потенциал новых стандартов проектного соинвестирования, современных финансовых платформ, распределённых реестров активов.

Тактический срез программы – реализация группы наглядных кейсов-проектов по решению задач, считающихся неразрешимыми без «длинных денег»: модернизации и замене устарелых производственных фондов в сферах ЖКХ, жилищного строительства, энергетического и оборонного машиностроения. Первый из таких кейсов был представлен в ноябре 2014 года Рабочей группой по преобразующему инвестированию и поддержан ТПП РФ[21].

Политический уровень программы – принятие трудных общественных и государственных решений об очерёдности, порядке, темпах вывода из тени комплексов отношений собственности, способах разрешения сопряжённых конфликтов, формах и объёмах амнистий и санкций, компенсаций и взаимозачётов. Каким бы ни оказался характер этих решений, заранее можно утверждать: любые противоречия здесь предпочтительнее снимать путём перераспределения вновь создаваемой стоимости, а не передела существующей. Залог успеха в том, что большинство «внелегитимных» собственников вовсе не являются прирождёнными ворами и коррупционерами. Скорее они – заложники сложившихся теневых институтов, потенциально заинтересованные в их разминировании и демонтаже.

Незаменимую конструктивную роль здесь призваны сыграть силовые структуры с их накопленными досье, по материалам которых практически каждого хозяйствующего субъекта есть основания упрятать за решётку. Но собственность страны и без того пребывает в тюрьме архаических трансакционных обременений. Уникальная социально-экономическая база данных силовиков помимо «посадочного материала» способна дать конкретную фактологическую основу для национальной программы легитимации собственности – там и тогда, где и когда это будет сочтено уместным и выгодным стране.

Стратегическое содержание программы – установление такого порядка

[21] http://tpprf.ru/ru/interaction/committee/kinvest/meetings/preobrazuyushchee-investirovanie-novaya-volna-proektnogo-finansirovaniya/. Полная видеозапись презентации на YouTube: http://www.youtube.com/watch?v=xTLBxuwmdpY

капитализации комплекса национальных природных ресурсов и производственных фондов, который обеспечит реализацию естественных преимуществ, сильные и перспективные позиции в глобальной экономике. Притом, это только начальный, экономический этап освоения России как общей собственности; пошаговый *перевод основной массы населения из бюджетников в собственники её активов*, в пресловутый «средний класс», как гарантия суверенитета и залог внутренней стабильности.

В подступившей эпохе нет ничего более предметного и осязаемого, более идейного и мотивирующего, более укоренённого и связующего, более эвристичного и развивающего, более человечного, чем собственность.

Не длинные деньги, а длинная воля

Базовый набор ресурсов для реализации такой программы в России налицо. Технологии на подходе. Недостаёт главного – субъекта национальной модернизации.

Исторический опыт показывает, что правительство, обременённое управлением текущим хозяйством, непригодно для решения задач развития. Больше того, здесь несостоятельны любые подотчётные массовому избирателю органы из-за их узкого горизонта и шаткого мандата. Врач не может подчиняться больному.

В новейшей истории субъекты модернизации рождались в хаосе революций, смут, гражданских катастроф и военных оккупаций. Хорошо бы извлечь из этого конструктивные выводы, пока ещё есть время.

В любом современном обществе, помимо партии власти (одной или нескольких) необходима *правящая* партия – в какой бы социальной оболочке она ни выступала. Функции власти и правления должны быть чётко разделены. Именно их смешение привело к краху СССР. Но решение конституционно устранить из общества функцию правления вкупе с её носителем было одновременно историческим анекдотом и катастрофой.

В стране есть руководители, наделённые стратегическим видением и волей править – направлять, исправлять, управлять. Но нет институтов, которые поддерживали бы эту функцию, превращали бы её из субъективно принимаемого долга, личного креста в регулярную публичную деятельность. У страны как целого нет собственника, она оказалась бесхозной.

Пока есть время, нужно отстраивать анклавы и плацдармы институтов правления, институтов хозяйствования, начиная с самых болезненных узлов и «безнадёжных» задач.

Нужны не длинные деньги, а длинная воля.